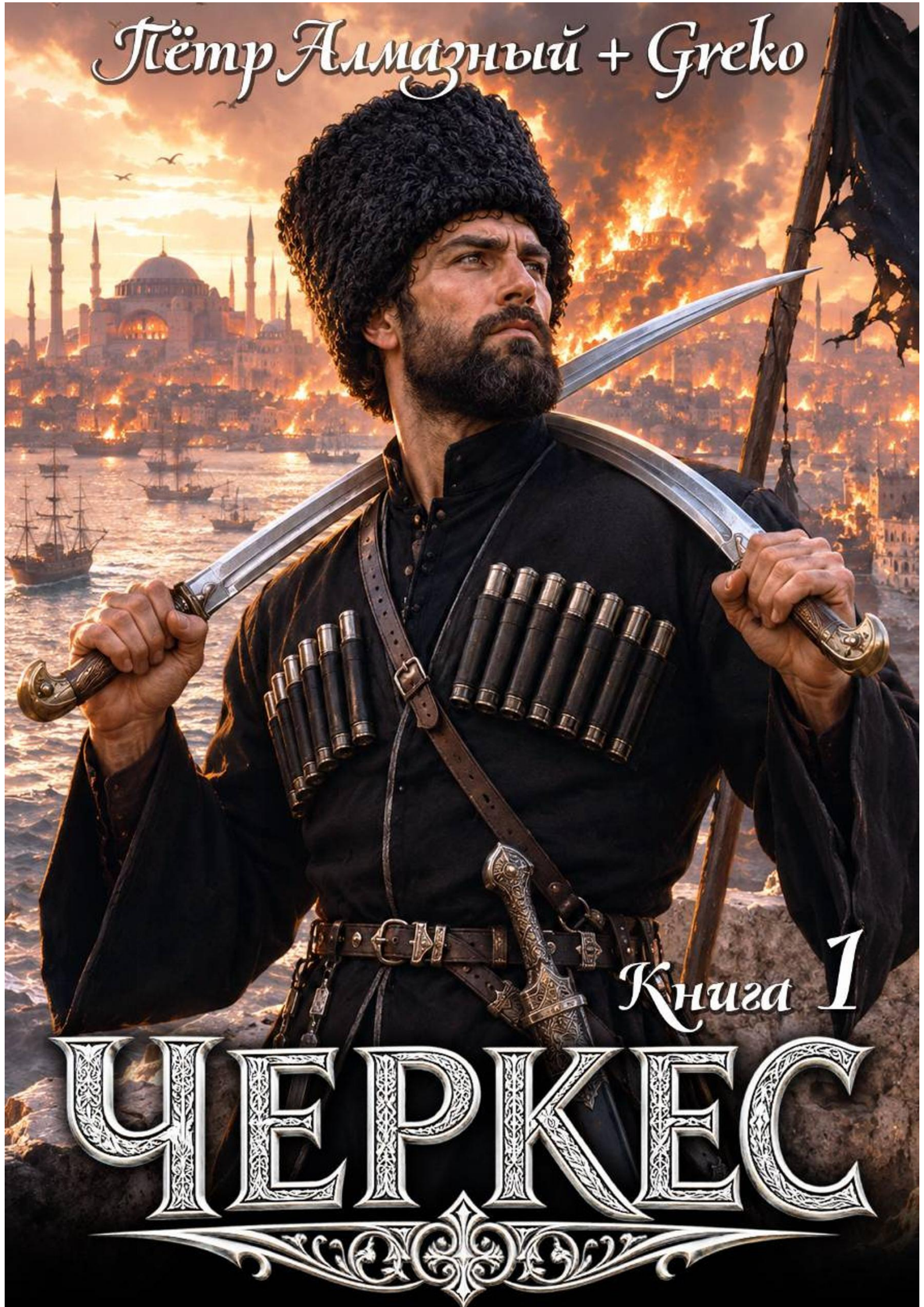

Пётр Алмазный + Greko

Книга 1

ЧЕРКЕС

Черкес

Петр Алмазный
Черкес. Книга 1

«Автор»

2026

Алмазный П.

Черкес. Книга 1 / П. Алмазный — «Автор», 2026 — (Черкес)

Попав из 21-го века в 1836-й год, главный герой окажется в эпицентре схватки двух разведок - английской и русской. Не будучи особо искусным бойцом, он однако обладает аналитическим складом ума и неплохой смекалкой. Учитывая знание будущего, герой решает склонить чашу весов в Кавказской войне еще сильнее в сторону Российской Империи.

© Алмазный П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Беги, Спирия, беги.	6
Глава 2. Пройдоха с Гранд Базара.	13
Глава 3. Неверность единоверцев.	20
Глава	27
Глава 5. Вербовка.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Черкес. Книга 1

Глава

Название: Черкес. Книга 1. Дебют двойного агента в Стамбуле

Авторы: Greko, Петр Алмазный

Глава 1. Беги, Спирия, беги.

Несмотря на позднюю ночь в аэропорту Батуми былолюдно. Спиридон Позов, добравшийся до Батуми из Салоник с двумя пересадками, вышел на улицу. Подбежали водители-таксисты. Услышав грузинскую речь и признав за своего, сразу сбавили напор и разошлись. Остался лишь один, годившийся Спиридону в отцы. Представился Вахтангом.

— Батуми нужно? – спросил.

— Нет. Шекветили.

Как и полагается, Вахтанг тут же изобразил крайнюю сложность задачи, чтобы вслед накинуть лишнюю...

— Сорок! – отрезал Спиридон.

Вахтанг для приличия изобразил тяжелую внутреннюю борьбу, после чего согласился, сумма его явно устраивала и радовала.

У Вахтанга был старенький «Мерседес». Но в очень хорошем состоянии. И снаружи весь блестел. И как тронулись, ничего не гремело, не дребезжало. Мотор работал ровно. Молчали не долго.

— Грек? – спросил Вахтанг.

— Да.

— Из Батуми?

— Нет. Тбилиси. Из «Африки».

— Слышал про ваш район. Смешно звучит. Хорошо на грузинском говоришь!

— Спасибо. Школу в Тбилиси закончил. Потом институт, английский изучал. В семье вообще по-турецки говорили. Пращуры – из анатолийских греков.

— Давно сам уехал?

— В 95-ом. В Грецию. В Салониках живу.

Вахтанг помолчал. И вдруг.

— Обижены на нас?

Спиридон не смог скрыть своего удивления. Даже не нашелся, что сразу ответить. Вахтанг, видя замешательство пассажира, грустно усмехнулся.

— Обижены... — покачал головой. – А и правильно! Почему не обижаться? Столько лет здесь жили, честно работали. А потом пришли все эти собаки: Горбачев, Ельцин, наш Гамсахурдиа, мать их... Аййй!

— Да, – согласился Спиридон.

Обоим не хотелось больше возвращаться к этой теме. Что тут еще можно было добавить?

— А в Шекветили тебе зачем? – спросил Вахтанг. – Родственники?

— Можно и так сказать. Ровно 150 лет назад, день в день, 27-28 октября 1853 года, в том районе, куда едем, погиб мой прапрадед. Там крепость стояла у реки. Ну, как крепость? Одно название. Пограничный пост. Турки напали внезапно, почти всех перебили. Всю ночь битва шла. Чуть меньше трехсот русских и две сотни грузин-ополченцев против пяти тысяч. Вырваться смогли несколько десятков.

— Э, скажи, не тогда Крымская война началась?

— Именно с того дня. Хотя её Восточной называли. Прапрадед в ней не участвовал, только один день. Я сам узнал, можно сказать, случайно. Старшая сестра рассказала. Розыски провела. Ученого из Тбилиси привлекла. Он письмо большое прислал. Оттуда все и знаю.

— Ва! Вот это история! Там памятник, наверное, стоит, поклониться хочешь?

— Нет ничего. Даже таблички. И руин не осталось. Там все из дерева было.

— Слушай, как нет?! Они же герои! Десять на одного!

— Никто не хочет про это вспоминать. Там больше половины нападавших были из Кобу-лети. Считай, братоубийственная война. Политики... Им такая память не нужна.

— Удивил! Все время думал, что грузины с русскими плечом к плечу воевали...

— По-разному было.

— Слушай, я аджарец, но скажу так: молодец! Это очень хорошее дело! Твой дед, прадед, прапрадед на том свете порадуются!

— Да, надеюсь. Вот только...

— Что?! – Вахтанг чуть не подпрыгнул на сидении, недоумевая, какие тут могут быть подводные камни.

— Мне цветы нужны, – успокоил его Спиридон. – Если увидите, где магазин, или, может, знаете, куда заехать, остановитесь, пожалуйста.

— Ночь на улице, какие цветы, дорогой?! – улыбнулся Вахтанг.

Спиридон пожал плечами.

— Не волнуйся. Мы мимо моего дома проезжать будем. Я тебе нарву, – Вахтанг с улыбкой посмотрел на Спиридона и добавил. – Это бесплатно!

— Спасибо большое!

— О чем ты говоришь?! Такое дело! Святое дело!

Помолчали.

Добрались прямо на рассвете. Свернули с дороги, не доезжая села, как только пересекли мост через Натанеби – так себе наметил Спиридон, долго изучая карту. Выехали почти к самому берегу моря, остановившись на опушке сосновой рощи.

— Подождешь меня?

— Зачем спросил, дорогой? Делай свое дело, а я пока посплю.

Спиридон, придерживая охапку колючих роз и дорожную сумку, медленно пошел к рассыпающемуся от первых солнечных лучей морю. Ноги вязли в песке, усыпанном сосновыми иголками. Может, тут Константин Спиридонович Варваца, хорунжий Черноморского Казачьего войска, принял свой последний бой?

Голубые волны, накатываясь на серый песок, покачивали на воде десятки лепестков роз. Это было так красиво, так пронзительно грустно и так завораживающе, что Спиридон не мог остановиться и бросал все новые и новые лепестки в море, про себя считая: 120, 121. 122... Каждый лепесток для него означал чью-то жизнь, потерянную здесь, на этом пляже, 150 лет назад.

Теперь, когда с цветами закончено, нужно выпить вина – привез с собой из Салоник специально для такого случая вместе с двумя пузатыми керамическими стаканчиками. Так требует обычай.

Одному не хотелось, Вахтангу нельзя, зато метрах в трёхстах он заметил громко спорящих грузин. Спиридон поплелся к ним, потирая исколотые розовыми шипами пальцы и прислушиваясь к обычному среди гурийцев разговору на повышенных тонах. Нетрудно догадаться о чем: выборы на носу, сошлись поклонники Мишуко и Абашидзе.

— Ребята! Выпьем со мной? – спросил Спиридон и пояснил. – Предка поминаю.

— Отчего не помянуть, наливай! – согласился один с красными от недосыпа и перепоя глазами. Второй, здоровенный, уже был хорош, сидел на песке, широко разбросав ноги и смотрел зло, щуря глаза. – Кого поминаем?

— Прапрадеда моего. Его вместе с русскими солдатами и гурийскими милиционерами 150 лет назад тут турки и кобулетцы зарезали, – честно признался Спиридон и лишь потом сообразил, какую опасную фразу произнес.

Бугай тут же вскочил на ноги и громко на весь пустынный пляж стал выкрикивать грязные ругательства:

—Кобулетцы? ...мать,мать... Русские? ...мать, мать ...Ты за кого тянешь, гяур? Я сам из Кобулети... собачий сын ... мать, мать ...

...От первого удара матерящегося Спиридон увернулся. Тот пролетел мимо, упал. Все-таки был пьян. Второй не ожидал, что его собутыльник так сразу полезет в драку, немного растерялся. Спиридон воспользовался этим, ничего сложного не выдумывая, врезал ему ногой в пах. Второй завыл, схватился за яйца, свалился на бок.

«Пару минут выиграл», – усмехнулся Спиридон, оборачиваясь к матерщиннику и роняя на песок бутылку и стаканчики, чтобы освободить руки.

Бугай уже стоял. Начал соображать.

«Сейчас до него дойдет, – думал Спиридон, – что он раза в полтора тяжелее меня и что ему нужно не кулаками махать, а просто обхватить и навалиться на меня».

Бугай, действительно, сообразил. Развел широко руки и двинулся вперед. Спиридон попытался отскочить в сторону, но бугай успел схватить его за левую руку. Отбиться не получилось, болтавшаяся на плече дорожная сумка помешала, бугай схватил и правую. Теперь со стороны могло показаться, что два взрослых мужика затеяли хоровод.

«Цугцванг! – подумал Спиридон. – Увы, для меня!».

Бугай в этот момент бросил взгляд Спиридону за спину.

— Бей! – заорал.

Спиридон обернулся. Второй, конечно, не совсем еще оправился от удара по причинному месту, но уже стоял на ногах и держал в руке булыжник. И уже занес эту самую руку...

...Русские говорят: «На роду написано». Греки говорят: «Было записано». И греческий вариант Спиридону всегда нравился больше. Он считал, что «было записано» – тоньше по смыслу и с большим количеством нюансов передает предопределенность судьбы...

***

«Так вот как выглядит тот самый тоннель!» — подумал я, едва разлепив глаза. Тут же закрыл. Свет в конце тоннеля тысячами иголок воткнулся в зрачки.

«Не торопись, Спирия. Теперь уже некуда торопиться! Черт! Не богохульствуй! Прости, Господи, но как же все еще болит голова! И в ушах шумит! Я думал, что уже ничего болеть не будет. Так, ладно! Я лежу на боку. Стоит чуть повернуть голову... ».

Я повернул голову к земле. Опять открыл глаза.

«Мать сыра земля. Грязная какая! Неровная. И почему так много стеблей соломы?! Лужица. На мочу похоже по запаху. Запах! Я чувствую запах!»

Мимо пронеслись грязные голые детские пятки. Потом мужские ноги в сапогах.

«Прямо скажем, пока не впечатляет!»

Я взглянул наверх. Отшатнулся. На меня с любопытством взирала длинноухая ослиная морда. Тут же чья-то рука дернула осла за шею. Тот послушно двинулся, открыв мне обзор. Полукруглая арка. Кирпич. Грязь.

«Очень странно. Совсем не так я все это себе представлял!»

Сделав усилие, присел. Голова безвольно повисла. Потянул руку к голове. Запекшаяся кровь.

«Ну, хоть не хлещет! Стоп! Откуда копна волос? На тот свет – с кудрями до плеч, как в 18? Я же лысый последние лет пять!»

Попытался встать. Что-то звякнуло под животом. Сунул руку. На ощупь кожаный мешочек. Достал. Так и есть. Открыл. Какие-то неведомые мне монеты, золотые, одна, вроде, похожа на английский соверен.

«А говорили, что в гробу и в саване карманов нет! – подумал, перебирая монеты грязными пальцами. — Это что: плата за проход?»

В следующую секунду я застыл. Перестал заниматься монетами. Вернул мешок на место. В ушах перестало шуметь. Слух вернулся. И то, что «докладывали» мои уши, меня совсем не устраивало.

«Это же муэдзин поёт?!»

Я напрягся. Ошибки быть не могло. Муэдзин. Посмотрел на цепочку людей, двигавшихся мимо меня к свету и не обращавших на меня никакого внимания. Прислушался.

«Я их понимаю! И это очень плохо! Потому что они говорят на турецком!»

Я взвыл.

«Да вы что – издеваетесь?! Вы меня ко входу в мусульманский рай забросили, что ли?! Господи, за что?! Еще этот осел... Нет, нет, нет...»

Я сделал усилие, цепляясь за грязную стенку поднялся на ноги, чуть постоял согнувшись, ожидая, пока перестанет кружиться голова. Поменяв руки, развернулся к свету. Перебирая рукой по стене, на полусогнутых ногах поплелся к выходу из-под арки. Наконец, дошел. Осторожно выглянул.

Увиденное ошарашило. Страшно влиться в бредущую толпу разряженных, как на карнавал, людей, словно сбежавших из погорелого театра. Смуглые, черные, белокожие. Облеченные в безумную смесь всех стилей и фасонов, словно из костюмерной голливудского исторического блокбастера. Бордовые фески. Белые, бело-голубые и зеленые тюрбаны. Колпаки, малахай, тубетейки. Зонтики, прикрывающие женщин, закутанных в кисею и кашемир так, что видны лишь глаза.

Это разноцветье то и дело рассекали черные тени оборванцев-мальчишек. Неторопливо шествовал важный господин во вполне европейском платье, окруженный троицей гордо вышагивающих усачей в странных белых юбках и с большими кривыми кинжалами за широкими красными кушаками. Им уступали дорогу и похожие на армян бородатые мужики в халатах-накидках без рукавов, и узнаваемые греческие попы в расшитых рясах, и смуглые молодцы в кавказских черкесках, вооруженных кинжалами и саблями в богатых ножнах...

Вокруг – теснота. Кривые узкие улочки, заваленные нечистотами. Дома, будто наспех сколоченные из досок немислимых расцветок, цепляются друг за друга уступами. Окна домов заколочены. Кругом следы пожаров и руины, которых никто не прячет. Вынесенные на улицы лавки с товарами. Брадобреи, тут же стригущие и бреющие своих клиентов. Столики харчевен... Все это лишь способствовало толкотне и беспорядку. Тощие собаки шныряли под ногами. Ни одного дворца, мечети, красивого парка или фонтана, за которые можно было бы зацепиться глазу. Лишь невероятная толпа и гомон сотен языков, из которых ухо улавливало знакомые звуки анатолийского турецкого, на котором говорили в моей семье. Куда я попал?!

Я осторожно влился в этот поток: мои лохмотья никого не впечатлили. Лишь пару раз кто-то брезгливо оттолкнул меня к ближайшей стене. Теперь я настороженно крался вдоль домов, стараясь оставаться незаметным.

«Лохмотья? Где мой модный французский костюм?!».

Ближайший перекрёсток принес надежду. В глубине очередного кривого тупика – судя по всему торгового конца, заставленного мешками с крупами и ящиками с какими-то сухофруктами, прятался небольшой фонтанчик, пристроенный к дому. Я бросился к нему в надежде увидеть, наконец, свое лицо, смыть кровь и прилипшую грязь, которые стали уже невыносимы. Но мое отражение в воде интересовало меня в первую очередь.

Украшенная резьбой в восточном стиле арка, высеченная прямо в стене и изрядно потрепанная временем, моего внимания не привлекла. Куда важнее – большое каменное прямоугольное корыто, куда стекала вода из краника на стене. С ее глади на меня смотрело чужое лицо в обрамлении копны темных волос, нечёсанных и слипшихся. Я словно превратился в Шарикова, лишь с греческим колоритом и более молодого. И так же, как он, я поднял руку к виску в немом вопросе: кто же я такой?

Не в силах разглядывать чужую мне рожу, я зачерпнул воды и попытался привести в порядок лицо, скорее размазав, чем отмыв грязь и кровь. Еще раз опустить руку в корыто мне не дали. Резкий удар по ногам заставил меня отпрыгнуть от фонтанчика.

— Дувар чешмерли не для вшивых гяуров! – грозно наступал на меня какой-то старик в чалме и плотном халате, размахивая клюкой и будто выплевывая турецкие слова. – Смотрю, твои щиколотки уже знакомы с палкой.

От стены дома отвалился толстый торговец скобяным товаром и горшками всех размеров, в широкой рубахе до пят и в красной феске.

— Поди прочь, глупый старик! В Империи все равны. Нашелся тут ревнитель обычаев! Помню тебя: когда тут ходили русские солдаты за водой, ты не был столь грозен. И не смел их гнать от воды. Да что там! И видно тебя не было, гордый осман!

— Дувар для омовений перед молитвой, а не для грязи уличного попрошайки! – не сдавался старик.

— Пошел прочь! – повторил торговец, отталкивая старика от меня. – Умывайся, мой друг. Ты грек?

Молча кивнул в знак согласия и принялся энергично отмывать лицо.

— Промой свою рану на голове, – протянул мне неожиданный спаситель маленький керамический кувшин. – Ты анатолиец или фанариот[1]?

— Где я? – уклонился я от ответа. – Что за город, что тут происходит?

— Крепко же тебя приложили по голове, синтрофос. Ты в граде Константина, городе тысячи языков, процветающего под сенью нашего великого султана Махмуда Второго, победителя янычар, да продлит Аллах ему годы жизни, а наш Христос подарит мужскую силу!

— Я в Стамбуле? – вскричал я.

— Что за Стамбул, друг? Совсем у тебя с головой беда. Османы наш любимый Константинополь зовут порой Константиניים и даже Аситане, или просто столицей. Про Стамбул не слышал прежде. Ты лучше тут не задерживайся. Этот мерзкий старикашка, бесчестный Онур, может стражу позвать. Думается мне, он разглядел в тебе ионита, а таких тут не жалуют, сам понимаешь.

Ровным счетом не понимаю. Ничего не понимаю!

Оглянулся, пытаюсь пригладить мокрые волосы. Старика видно не было, но это ничего не значило. Беда не приходит одна. Из-за угла бурлящей людским потоком улицы может внезапно выскочить кто угодно. Мне сейчас конфликты не нужны.

— Двигай в ту сторону, – махнул рукой на неприметный проулок мой неожиданный спаситель, – забирай все время левее и выскочишь к Капалы-Чарши, к Гранд Базару. Там затеряться не трудно.

— Спасибо, друг! – прижав руки к груди, взволнованно воскликнул.

— Вот этот негодяй! Стража – сюда! – раздался визгливый голос моего врага совсем рядом.

Я без раздумий бросился в проулок, но прежде от души запулил кувшинчиком в голову этого демона. Звон разбитой керамики и гневные крики пополам со стенаниями стали бальзамом моей душе, которой сегодня уже досталось. Сначала грузины, теперь злобный турок – сколько можно!

Несколько поворотов странной улочки – и я выскочил на открытое пространство, оказавшееся большим загонem для овец. Перескочив ограду, я забежал внутрь отары, где почти застрял. Пришлось раздвигать мечущихся и путающихся под ногами барашков, поскальзываясь на их «горохе» и хватаясь за пышные, но грязные шкуры, чтобы удержаться на ногах. Старик – он меня продолжал преследовать, как я заметил краем глаза – поступил мудрее. Он бросился вдоль ограды, протискиваясь между домами и загонem, и мог догнать меня у выхода, к

которому я стремился. Чтобы избежать ненужной встречи, я прибавил ходу, активно загребая руками, будто пловец в овечьем море.

Увернувшись в последний момент от тощих рук моего преследователя с разбитой в кровь мордой, я снова ушел в отрыв, выбрав левое направление по совету грека-торговца. Я несся вперед. Не обращал внимания на крики уличных зазывал, пытавшихся меня порой задержать, заманивая в забитые медной посудой лавки, на торговцев, громко предлагавших горячий чай и просяную бузу. Оббегал водоносов с огромными кувшинами за спиной и носильщиков с рулонами скрученных кож и огромными тюками, которые чудом не застревали в узких проулках. Пару раз смачно приложился о черную от грязи булыжную мостовую, не рассчитав траектории прыжка через очередной ящик зеленщиков, в квартал которых я прорвался после чертовых овец.

Крики старика привлекли внимание зевак. Один мутный тип кинулся вслед за мной, закусив зубами концы своей рваной чалмы, видимо, в расчете на благодарность от моего главного преследователя. Пришлось, резко развернувшись, толкнуть его в грудь, отправив в короткий полет в мусорную кучу. Увидев печальный и вонючий конец своего случайного союзника, мерзкий, но бескомпромиссный Онур притормозил и теперь держался на расстоянии, что позволило мне слегка перевести дух и немного собраться с мыслями.

Какой к черту Константинополь? Какой к мусульманскому дьяволу султан Махмуд? Первый или Второй – мне до фонаря! В чье тело меня кто-то запихнул? Что за дикий розыгрыш? Меня снимает скрытая камера?

Крики ишаков, встретившихся на пути, меня слегка отрезвили: нет ни одной машины, ни электрических фонарей, ни неоновых вывесок. Где реклама Кока-Колы или Мальборо-ковбой? Сейчас куда не сунься, на них наткнёшься. Что за Средневековые вокруг? О каких русских солдатах толковал грек? Когда это бывшие соотечественники в военной форме разгуливали по городу на Босфоре? Историю я учил плохо, но такое точно бы запомнил. И почему султан победил янычар, если они за него воевали, ведь бред?! Альтернативная реальность!

Точно, я не в нашей Вселенной. Я, наверное, умер в своей, и моя душа переселилась – хорошо хоть не в баобаб, а в нищего, таскающего под мошонкой золотые монеты. Чертов извращенец!

Но почему тогда я понимаю анатолийский диалект? Пострадавшая голова разболелась с новой силой: я бы не отказался снова умыться и напиться от души. И тут, словно по заказу, впереди на площади я увидел нечто вроде изящной мраморной беседки. С четырех сторон этого строения были устроены поилки не то для людей, не то для лошадей. Я ускорил бег и вскоре был вознагражден восхитительной и прохладной водой.

Я огляделся. Онур упорно ковылял в мою сторону, потрясая своей клюкой и выкрикивая неразборчивые ругательства. Его немного притормозила вереница колоритных ишаков, нагруженных корзинами. Заметил водную гладь прямо по курсу. Решил слегка скорректировать план, Гранд Базар подождет. Если это действительно Стамбул, значит, там должен быть Золотой Рог, знаменитый изогнутый залив, огибающий султанский дворец.

По кривоватой улочке, круто устремившейся вниз, я рванул, вынужденный петлять между тележек зеленщиков с морковкой и луком, в сторону предполагаемого залива. Морской воздух, густо приправленный рыбной вонью, уверенно свидетельствовал: я на правильном пути.

Выскочил на открытое пространство. Передо мной раскинулся широченный деревянный помост, слегка покачивающийся на воде и удерживаемый вколоченными в дно мощными бревнами. По нему, как по проспекту, двигалась толпа в обоих направлениях. Многочисленные ящики и высокие плетеные корзины с рыбой образовывали нечто вроде заградительного барьера. Слева и справа от помоста, блестевшего от рыбной чешуи, пристроились необычной формы рыбацкие баркасы с задранными носами. На них лежали груды мокрых сетей, придав-

ленные веслами, и спущенные паруса. Полуголые мавры передавали своим помощникам на помост все новые ящики. За спиной надрывался в крике муэдзин.

Я посмотрел направо. В синевато-серовой дымке над заливом четко угадывался знакомый по тысячам фотографий силуэт Девичьей Башни. Сделал пол-оборота, чтобы взглянуть на нависший над заливом город: над ним гордо возвышался купол Святой Софии с четырьмя мраморными минаретами. Сомнений не было: я в этом гребаном Стамбуле!

[1] Фанариот – грек-житель района Фанари в Константинополе; анатолиец – грек, живущий в Анатолии; ионит – житель Ионических островов.

Глава 2. Пройдоха с Гранд Базара.

Тело сковала внезапная слабость. Не в силах шелохнуться, я оцепенело всматривался в скользящие по водной глади шебеки и фелюги – кажется, так называются подобные небольшие рыбацкие кораблики – под одиноким косым парусом. Вёсельные лодки перевозчиков, узкие, как кинжал разбойника, привыкшего убивать без лишней крови, гнались за огромным парусником с косыми мачтами. Пароход вдали дымил трубой ближе к азиатскому берегу.

Меня толкали проходившие мимо люди, но я не двигался, пока не услышал знакомый голос.

— Бостанджи, бостанджи! Вот этот негодяй!

Люди вокруг с беспокойством заголосили:

— Стража султана!

Оглянулся. Буквально в ста метрах, у входа на невысокий деревянный мост через бухту, Онур показывал на меня рукой и что-то втолковывал двум грозного вида колоритным воякам в забавных красных колпаках, свисающими набок, в расшитых накидках и широченных шароварах. Впрочем, древнего вида пистолы за поясом и небольшие ятаганы отбивали всякую охоту смеяться. Вся группа, не мешкая, двинулась в мою сторону.

Бежать прямо на помост рыбаков означало попасть в ловушку, если только не воспользоваться пришвартованной лодкой. Но кто же мне позволит? Хватило одного злобного старикашки, чтобы превратить меня в загнанного беглеца. Не стоило плодить новые проблемы.

Развернулся и бросился обратно вверх по улице, которая привела меня к рыбному развалу. Нужно последовать совету и поискать Гранд Базар. Левее виднелись узнаваемые минареты и купол Святой Софии. Крытый древний рынок, как я помнил из своей единственной турпоездки в столицу Турции, должен находиться в глубине Старого квартала.

Старого? Еще не известно, насколько он старый, хотя, судя по замеченному пароходу, я не перенесся во времена Сулеймана Великолепного. Пора включать мозги, чтобы хоть сориентироваться в случившемся. И как-то выбраться из заварушки...

Я оглянулся назад. Стражники – видимо, те самые бостанджи, которые взбудоражили толпу на причале – продолжили меня преследовать. Онур, сделав свое черное дело, остался у рыбного развала. Уверен, бег за мной его доконал.

Туфли-шлепанцы на босу ногу у вояк не особо подходили для быстрого бега, и мои голые ступни давали серьезное преимущество. Я увеличил разрыв, вернувшись знакомой дорогой к общественному мраморному фонтану, и даже успел поинтересоваться у прохожих, столпившихся у водопоя, в каком направлении находится Гранд Базар. Какой-то словоохотливый грек попытался мне подробно втолковать, как найти нужное в хитросплетениях местных улочек.

— Если тебе нужны пряности, зачем тебе искать Капалы? Тут под боком египетский базар и лучше места не найти во всем полисе, если ищешь приправы для долмы. Зайдешь в главную галерею, спроси лавку почтенного Христофора, Красной Бороды... Ладно-ладно, я понял: тебе не нужны специи. Тогда беги вот туда и старайся не отклоняться от прямой линии. Сдается мне, эти «садовники» по твою душу? – сказал константинополец, кивая на приближавшихся воинов: бостанджи легкой трусцой, как почуявшие добычу охотничьи псы, двигались за мной, не отставая. Их руки опирались на рукояти ятаганов, торчащих вбок. Будь на них сапоги, а не турецкие туфли с загнутыми носами, уже бы догнали: мне нужно поспешать и увеличивать разрыв.

Снова ускорился, поминутно оглядываясь назад. Стражники добрались до моего случайного гида, о чем-то его спросили, потом последовал резкий удар в голову, и грек упал рядом с поилкой. Серьезные ребята, лучше им в руки не попадаться.

Теперь я внимательнее смотрел по сторонам и увиденное оптимизма не добавляло. Особенно, труп, покачивающийся на веревке, зацепленной за перила выступа одного из домов, нависающего над улицей. Я припомнил, как гид рассказывала нашей группе туристов про быстрое османское исполнение наказаний. Палач без долгих рассуждений вершил назидательное правосудие на любом перекрестке. Отрубал голову осужденному и оставлял на три дня труп с головой под мышкой, если казнил мусульманина, или между ног, если – гяура. Или вот так вешал, выбрав понравившийся выступ, где можно было зацепить веревку. За неё, кстати, платил тот, кому предстояло быть повешенным.

Дальше на одном из перекрестков, рядом с мечетью, большая толпа женщин и детей окружила группу европейцев, выкрикивая ругательства и даже бросаясь камнями. Стоявший неподалеку солдатский патруль ровным счетом ничего не предпринимал, чтобы прекратить беспорядки. Кажется, солдаты получали удовольствие от неожиданного развлечения.

Влетел на небольшой базарчик, где торговали съестным. Пробирался мимо гомонящих едоков, громко чавкающих за столиками или попивающих чай из пузатых стаканчиков в тени натянутых над улицей разноцветных полотнищ. Жадно вдыхал запахи запекаемых в жаровнях кебабов и горячих лепёшек, которые метал на прилавок толстый турок в белой чалме из лавки своей лавки. Я понял, что проголодался. Эта мысль меня развеселила: буквально полчаса назад я размышлял о собственной смерти – теперь мечтал о толстом бутерброде балык-экмек, которым славится Стамбул, или, на худой конец, о бараньей «запятой» на косточке.

Тут дорогу мне преградили два араба в длинных белых рубахах до пят. Видимо, требовали, чтобы я развернулся назад. Впереди улица была не столь запружена толпой и выглядела поприличнее грязных переулков, оставшихся за моей спиной. Не понимая, что лопочут арабы, грозно хватаясь за кривые ножи у пояса, я протиснулся между ними и ускорился. Через пару минут до меня дошло, куда я попал. Это был невольничий рынок, причем, женский.

У стен домов на ковриках сидели и лежали малопривлекательные глазу мегеры, которых могли выставить на продажу лишь от полной безнадёги. Рядом с ними стояли приличного вида купцы, безуспешно зазывавшие прохожих предложениями скидок. В стенах виднелись глубокие темные ниши, забранные нечастой деревянной решеткой, за которой виднелись женские силуэты поинтереснее. В одной из ниш дотошный покупатель, подсвечивая себе фонарем со свечой, разглядывал зубы невольницы, в другой – двое греков в фесках горячо обсуждали цену на красотку, которая спешно укрывала халатом голое тело изящных пропорций. По-видимому, здесь осмотр был проведен с восточной обстоятельностью.

Мелькнула мысль узнать расценки, но тут же пропала: сзади к возмущенным крикам арабов, игравших, судя по всему, роль местной пропускной системы, добавились окрики от догонявших меня бостанджи. Оставил все попытки насладиться бесплатным эротическим театром с экзотическим колоритом. Снова ускорился, и вскоре работоторговцев и любителей «сладкого мяса» сменили уличные менялы, разложившие прямо на ковриках весы и широкие чаши с разной монетой.

— Не проходи мимо, добрый человек! – громко голосил одетый в черное еврей в характерной ермолке. – Лучший курс на биллонную монету в двадцать пар, на куруш и на пять курушей! Плачу серебром франков или русской полтиной![1]

Поменять соверен на местное серебро было бы весьма кстати. Не платить же золотом за еду? Пиастры, пиастры! – как выкрикивал знаменитый попугай Флинта. Вот только возможности задержаться в этом крайне нужном месте не было никакой.

Было бы время, пристроился бы рядом, чтобы незаметно прицениться и понять, что почем. Учить меня, как деньги менять – только портить: какой турист из моего мира не знает, как найти выгодный курс в обменниках? Но что это за зверь – билонная монета?

Черт! Опять не свезло! Через один перекресток я уткнулся в похоронную процессию. Закутанные в черное с головы до пят, с лицами, обвязанными платками, четверо мужиков

тащили носилки, на которых лежало тело, прикрытой соломенной циновкой. Свисающая рука была покрыта мерзкими на вид язвами. Неужели чума?!

Подался назад, стараясь не дышать. Но и стоять на месте опасно, стражники приближались. А за первой группой носильщиков показалась вторая. Я в отчаянии ринулся в еле возникший просвет, заслужив новую порцию ругани.

Мой греческо-грузинский бог, наконец-то, вспомнил обо мне. Прямо перед носом возник вход на рынок – массивная арка, напоминающая крепостную башню с зубцами поверху. За ней вдаль уходила длинная галерея, забитая людьми и лавками. Византийский орнамент украшал своды, усиленные поперечными балками. Под ногами истертая мозаика или выщербленные мраморные плиты. Людской гул метался между древних стен. А вот в мое время здесь, на Гранд Базаре, было явно потише: звуки гасились множеством тканей, ковров, дубленок, несмотря на то, что народу было на порядок больше. Но и сейчас в толпе было несложно затеряться, особенно, если не двигаться по прямой, а сворачивать все время в разные стороны.

Я стал маневрировать, придерживаясь четкой системы: сворачивал налево на первом же переходе, затем направо в новой галерее. Если в ней было немного покупателей, пропускал поворот. Мой потрепанный вид продавцов не вдохновлял, меня никто в лавки не зазывал. Наверное, считали, что я целенаправленно двигаюсь к какой-то одному мне понятной цели, выполняя чье-то поручение. Заподозрить во мне покупателя было трудно.

— Коста! – в мою руку, как клещами, вдруг кто-то вцепился.

Я попытался оттолкнуть чужую руку.

— Коста, Коста! – как заведенный повторял странный тип в бордовой феске, скаля зубы и подталкивая меня в сторону лавки, завешанной тонкими ковриками и небольшими коврами с незамысловатыми рисунками в этностиле. – Почему не пришел ночевать? Я что только не передумал – и вдруг ты идешь мимо, будто неродной.

Типичный такой базарный торговец. Бегающий взгляд. Одет прилично – накидка без рукавов, шальвары, синие шлепанцы с островежскими носами. Не бледный, но и не смуглый. Небольшой животик выдает любителя неги и кейфа.

Он практически затолкал меня в лавку. А потом за занавес все из тех же ковров, что разбросаны по всему Востоку – от мечетей до грязных улочек. Подобные ковры назывались килимами. Вроде как разновидность анатолийского или турецкого ковра. Спрятаться в глубине лавки – хорошая идея. Если бостанджи все еще ищут меня, то их поиски –дохлый номер. Гранд Базар – это сотни лавок, целый квартал. Всей стражи султана не хватит разыскать меня здесь.

— Куда ты пропал? Снова встрял в неприятности из-за поисков сестер?

— Мы знакомы? – постарался я спросить спокойно.

— Что с тобой, брат? Что за идиотский вопрос? Ты же ешь мой хлеб и спишь под моей крышей...

— Видишь рану на голове? Меня ударили, ничего не помню, – терпеливо объяснил я.

— И меня не помнишь? Это же я, Никос!

— Неужто Сафронов? – глупая шутка вышла, но чего уж там.

— При чем тут шафран? Я коврами торгую, а не специями, – вылупил на меня глаза торговец. – Никос я, Никос Теримос, твой единственный друг на весь град Константинов. Правда, ничего не помнишь?

— Истинный крест! – перекрестился я.

— Вот дела, святая дева Мария! – почти вскричал Никос.

— Еда есть? – я попытался сбить напор его экспрессии.

— Ты голоден?

— Не ел с Судного дня, – я попытался пошутить. Правда, в моей шутке была лишь доля шутки.

— Я сейчас! – суетливо захлопотал Никос, копаясь в куче ковров.

Вытащил бутылку вина и пару яблок. Но оценив мой скептический взгляд на столь скромный набор, он повторил:

— Я сейчас! – И стремительно убежал из лавки.

Момент истины! Приведет стражу – я пропал. Впрочем, выбора нет, и, пока суд да дело, можно и местное винцо попробовать.

Вытащил зубами полузаткнутую пробку, приложился к горлышку. Фу, мерзкий кисляк! Зажевая яблоком. И оно туда же! Здесь явно на сахаре экономят. Да и есть ли он, сахар? Америку давно открыли, но перегонка и очистка сахара – это разве не из области промышленной революции? Что за бред опять лезет в голову?!

Пристроился на стопке килимов и похлопал рукой по приятному ворсу тканного ковра. Ну, здравствуй, старый знакомый! Хотя что-то в этом мире мне известно. Может, замутить тут бизнес, обшивая кресла и диваны такими коврами? Видел много подобных дизайнерских решений в дорогих отелях и богатых домах. В этом мире, наверняка, до такого еще не додумались: читал в интерьерных журналах про такой модный тренд 21 века. Впрочем, верить маркетологам – себя не уважать. Бред, бред, бред...

Боже, о какой ерунде думаю? Как остановить этот поток сознания?

Я в султанском Стамбуле! Здесь свирепствует чума, людям рубят головы прямо на улице, а их жизнь стоит копейки. Смогу тут выдержать? Вот, о чем надо думать, а не о килимах или производстве сахара!

Да и кто я собственно такой – бедняк, побирушка? Не лучшие карты мне сдала судьба. Бегаю от стражи, как управдом Бунша от опричников. Может быть, Никос скажет хоть что-то хорошее? Мол, концепция поменялась: теперь ты не бомж, ночующий под мостами, а принц Персии.

Вот и он, легок на помине, принес питу с кусками жаренной рыбы, лепешку и кусок сыра. И стражу с собой не привел. А жизнь-то налаживается...

Я, чуть не урча от удовольствия, поглощал запеченный на углях люфер, заедая это лакомство пропитанной рыбьим жиром питой. Даже вино из бутылки уже не казалось таким кислым. Но стоило мне откусить кусок теплой лепешки, как я его с отвращением выплюнул.

— Что за гадость?

— А что ты хотел? – развел Никос руками. – В монетах все меньше серебра, все дорожает процентов на десять в год, а за ценами на продукты внимательно следят слуги султана. Вот пекари и выкручиваются. Добавляют в тесто все подряд: известь, древесную пыль и даже грязь с пола. Голову бы отрубить тому визирю, кто придумал билонную монету.

«Ага, – сообразил я, – билонная – значит, не из чистого серебра, а сплав. Чем больше посторонних примесей в одной монете, тем она дешевле. Такая себе древняя инфляция.»

Никос тем временем завел шарманку торговцев на все времена, жалуясь на тяготы жизни коммерсантов.

— Ничем их не напугаешь, когда надо семью кормить. Каждый день сераскир лавки обходит, его служки могут и за ухо к двери торговца прибить, обмазав голову медом, и лупят палками по пяткам каждого второго. Тебе вон тоже досталось, – он кивнул на мои ноги, «украшенные» старыми шрамами.

— Меня-то за что?

— Так ты в моей бывшей лавке в Галате стоял. Конкуренты донесли, что у нас подделками торгуют, как настоящим анатолийским ковром. Вот сераскир и приперся.

— Как же можно подделать килим? – удивился я.

— Все можно, если с умом, — хмыкнул Никос – Если уменьшить количество узелков на дюйм пряжи, хорошая экономия выйдет.

— Выходит, бакшиш тебе, а палки мне?

— Ну, что ты снова начинаешь? Мы же это сто раз обсудили. Кстати, ты же только что утверждал, что ничего не помнишь.

— А я и, вправду, ничего не помню. Но сложить дважды два не трудно. Ты мне лучше расскажи, как я докатился до жизни такой.

Долгий и путанный рассказ Никоса, под который я дожевал все, что было мне выдано на поздний обед, слегка приоткрыл картину моего прошлого, хотя и остались белые пятна.

По его словам, был я родом из преуспевающей семьи Варвакисов, торговцев коврами с Ионических островов (тут мое сердце пропустило удар: слишком схожи были фамилии Варвакис и Варвацци, девичья фамилия моей матери). Скупали козью шерсть у пастухов, везли ее в Албанию или боснякам, а там забирали готовые килимы, которые отправляли Никосу в столицу Империи. Но потом началась война за независимость. Александр Ипсилантис поднял белое знамя революции, и вся Греция умылась кровью. Не уцелела и моя семья. Очередной набег карателей-албанцев и турецких солдат опустошил наш остров. Отца прикончили на пороге нашего дома, как и все мужское население нашего поселка, а всех женщин увезли на продажу. Юнец с пылающим отмищением сердцем, я отдал семейный корабль на службу повстанцам и до самого конца войны сражался с турками, смотрел не раз смерти в лицо и даже проливал кровь. Когда, наконец, подписали мир, я вернулся домой в начале 31-го года.

Как обычно бывает, революцию делают идеалисты, а ее плодами пользуются негодяи. На наш Остров вместе со мной приехал подонок-чатлах[2], Афанасиос – здоровенный бугай с пышными усами и без капли чести за душой. Он утверждал, что годами боролся с турками в отрядах сербских гайдуков, и сабельные шрамы на его лице – достаточное доказательство его права верховодить на Острове. И первое, что он сделал, – отнял мой корабль, на котором приплыл, а потом попытался отнять и дом, и все имущество, обвинив меня в коллаборационизме.

Мне пришлось бежать, чтобы сохранить хотя бы жизнь и шанс отомстить. Тут, на счастье, в Империи случилась заварушка: египетский паша Мухаммед Али поднял восстание и пошел с войском на Стамбул. Разгромив армию султана в Сирии, он приближался к столице. Неожиданно на помощь пришли главные враги османов, русские, которые за три года до этого сами грозили вратам Царьграда. В местечке Скеlesi на азиатском берегу высадился 10-тысячный экспедиционный корпус, в Проливы вошел Черноморский флот. Белый царь объявил себя протектором Османской Порты, и египетский паша, поджав хвост, убрался обратно к своим пирамидам.

Появление русских в Стамбуле открыло мне возможность прибыть в столицу: до этого к фанариотам и ионийцам тут относились как к предателям, а в 21-м устроили настоящую резню всех греков без разбора (мои предки, Позовы, как помню, сбежали как раз после войны из Анатолии в Грузию). Я решил попытаться разыскать своих сестер и мать, скорее всего проданных здесь 10 лет назад на одном из невольничьих рынков. Тогда христианам запрещали покупать женщин, пояснил мне Никос, да и патриарх подобного не одобрял, так что искать родню следовало в турецких семьях и скорее рассчитывать на случай, чем на упорный поиск. Но я не терял надежды. Весной 1836-го года (ну, хоть год теперь знаю какой на дворе!), время, в котором я очутился, в Османской империи все стало спокойно и ничто не мешало моим розыскам. Правда, рана на голове свидетельствовала об обратном.

— Оставил бы ты это дело. Вон, добежался до дубинки по голове. Наверное, тебя стража на невольничьем рынке приголубила, надоел им своими расспросами, — увещевал меня Никос. — Если девочкам не повезло, то их и в живых давно нет. А если попался добрый господин, то они в серале как сыр в масле катаются. Если любая из них родит наследника, вообще возвысится, как великая Хюррем-султанша.

— Хороший турок – мертвый турок, — закинул я удочку, чтобы понять политические пристрастия грека, таскающего феску на голове: кто их тут разберет, в этом городе, где смешались магометане и православные? Как-то ведь уживались несколько веков.

— Это ты здорово сказал! – восхитился Никос. – Вот мы душу отвели в 28-м, когда султан выставил на площади зеленое знамя пророка и призвал всех мусульман резать янычар! Всё их поганое племя извели под корень.

— Ты же христианин! – кивнул я на маленькую иконку Николая-угодника с тускло мигающей свечкой в углу. – Не твоя забота участвовать в джихаде.

— Как не моя забота? Ты не понимаешь, тебя тогда здесь не было. Как при янычарах нас, простых торговцев, судили? Притащат к кади обиженного и ответчика, а тот сидит да ухмыляется. Весь суд – это, когда каждый цену открыто называет. Я – куруш, пострадавший – два... Так и торгуемся, пока не разоришься, если заплатит. Одна отрада: если проиграешь, в зиндан идешь с радостной мыслью, что противник – банкрот, на ноги не скоро встанет... Ныне получше стало, вот только судьи – все те же турки. А это такой народ... Все на суевериях, все у них – иншала да кismet... Чуму, холеру не лечат. Дом загорится, не тушат. Собак, калоедов, привечают. Продажные твари! Все за мзду. Одно слово – варвары.

— Но ведь греков в Стамбуле куда больше, чем османов. Что же нам мешает жизнь правильно устроить? – тут я понял, что сморозил что-то не то. Слишком странно на меня посмотрел Никос, как-то не по-доброму.

— Заболтались мы с тобой, пора лавку закрывать. Вот, возьми, повяжи на свои кудри на манер чалмы, — протянул мне Никос длинную тряпку, бывшую в лучшие свои дни кушаком у какого-то бедняка. – Не так будешь внимание привлекать разбитой головой.

Торговец закрыл свою лавку и повлек меня на выход. Я смотрел на его энергично движущиеся лопатки под тонким халатом-безрукавкой с замысловатым орнаментом из серебряных нитей и прокручивал в голове наш разговор. Что-то явно не сходилось. Слишком многое Никос осветил как-то туманно, немало важных подробностей осталось за кадром. И откуда он знает про дубинку?

Мы вышли на улицу и углубились в лабиринт переулков. Я старался запомнить каждую мелочь, любой приметный ориентир, но глазу было сложно за что-то зацепиться, когда кругом одни бараки, которые какой-то шутник окрестил домами. Правда, то и дело попадались древние руины, часть из которых была встроена в стены домов. Наверняка, наследие византийцев, которые строили на века. Но встречались и новые постройки: в них чередовались слои темного и светлого камня. В общем, худо-бедно дорогу назад я запомнил.

Наш тур по злачным подворотням завершился в каком-то дворе, загроможденным сараями-скворечниками. Один из них Никос открыл и пригласил меня внутрь.

— Подожди меня здесь, я скоро.

Он прикрыл дверь за собой, быстро выбежав во двор, но я приник к щели в дощатой стене и успел разглядеть, как торговец скрылся в единственном подъезде. Вскоре на втором этаже, за окном, прикрытым решётчатой ставней, загорелся свет от свечи или масляного фонаря. Я внимательно наблюдал, оставив на потом изучение убранства сарая. Вряд ли меня там ждало что-то хорошее, явно не Ритц-Карлтон.

Скоро Никос снова выскочил во двор, придерживая рукой какой-то рулон. Я распахнул дверь ему навстречу.

— Вот тебе рогожа подстелить. Устраивайся, отдыхай. Утром решим, как быть дальше. А я спать. Устал сегодня, ни одного клиента – такое ожидание выматывает хуже всего.

Он снова удалился в дом, я же продолжил свое наблюдение. Происходящее мне не нравилось все больше и больше. Почему он не пригласил меня к себе в комнату, если так печется о моей судьбе? Уверен, ночь мне предстоит веселой.

Огляделся. Деревянная будка вряд ли использовалась как спальное место. Что-то темнит мой «благодетель». У задней стены сложены напиленные дубовые и сосновые сучья, наверное, для обогрева и для готовки. Пол земляной, присыпанный высохшей за зиму кукурузной соло-

мой. Ширина сарая не больше двух метров, так что постель соорудить не трудно. Но у меня другие планы.

Как я и предполагал, через короткое время Никос снова выскочил из дома, но направился не ко мне, а на улицу. Теперь стоит подготовить сцену для игры по моему сценарию, где ставкой может стать моя жизнь.

Первым делом я развернул рулон с рогожей. Оттуда выпал скрученный кусок кожи в форме круга, неожиданно хорошей ручной выделки, примерно метрового диаметра. Понятно: солому сбить в подобие постели, прикрыть мягкой кожаной подстилкой, рогожкой укрыться – средневековый сервис во плоти. Спи, моя радость, усни... И придет серенький волчок, и укусит за бочок.

Я скатал и связал обратно кожаный круг, подсунув для объема немного соломы, и пристроил его на сдвинутые кукурузные стебли словно тело спящего. Из той же соломы смастерил шар-голову, из сучьев в поленнице выбрал те, что покривее – это будут ноги моей дьявольской куклы. Все сложил вместе, прикрыл рогожей, отошёл к двери, чтобы оценить реалистичность, снова поправил. Теперь пора вооружиться.

Я размотал свою пародию на чалму, разорвал ее на две равные половины и обмотал плотно кулаки: не хватало еще выбить костяшки, если придется драться. Нашел самый крепкий дубовый сук сантиметров сорок длиной и прислонил его к стене у двери. За всеми этими хлопотами я не заметил, как вернулся Никос.

— Коста, Коста! Я тебе воды принес, — дверь приоткрылась, и чья-то рука – николашкина, понятное дело – выставила у порога кувшин с водой.

«Терзают меня смутные подозрения, что водица та – непростая, с маковым молочком. Выпьешь – и козлёночком станешь, спящим беспробудно. Так что пить не стану, воздержусь», — подумал я и тихонько всхрапнул. Никоса мой актерский бенефис, по-видимому, удовлетворил. Он прикрыл осторожно дверь и удалился.

Теперь нужно хотя бы пару часов поспать. Потом, чувствовал я, будет не до того. Но прежде захотелось разобраться в паре вопросов. Вернее, в паре самых насущных, ибо общий список вопросов нарастал как снежный ком.

В принципе, оба связаны между собой.

Итак, первый. Как я в огромном мегаполисе умудрился прибежать именно туда, где смог найти первые ответы о Варвакисе? И второй. Почему Никос мне так подозрителен?

В голову приходят также два ответа. Или здесь замешано божественное вмешательство. Или на меня действует сознание – быть может, постсознание, остатки воспоминаний, отпечатки, слепки, закладки, все что угодно – или память, каким-то чудом сохранившиеся в теле Варвакиса. Я – реципиент, он – донор, должна быть какая-то связь. Мне остается лишь гадать.

Я не заметил, как задремал, прокидывая варианты вопросов и ответов. Разбудил меня тихий скрип двери моего сарая. В лунном свет блеснула сталь широкого кривого ножа, похожего на здоровенный рыболовный крючок.

[1] Монетная система Османской Империи при Махмуде II испытывала сильное влияние политического кризиса. Разменная монета (медная) пар имела номинал в 1, 5, 10, 20 и 40. 40 пар составляли 1 куруш (пиастр), который в свою очередь имел номинал в 0.5, 1, 2, 5, 10 и 20 и чеканился из серебра. Монеты номиналом в 25, 50, 100, 250 и 500 чеканились из золота (данные взяты из словаря Брокгауза и Ефрона). Авторы не уверены, что термин «билонная» уже употреблялся, но смысл его скоро до Косты дойдет.

[2] Распространенное среди населения Грузии и Армении ругательство, которое Г. Данелия и Р. Габриадзе превратили в «чатланина» в фильме «Кин-дза-дза». «Мараз, гётверан» – тоже ругательства, но тюркские и к комедии отношения не имеют.

Глава 3. Неверность единоверцев.

Невысокая темная фигура скользнула к моей ловушке на соломе. За ней вторая, повыше и шире в плечах. Черная, будто натуральный черт, как его малюют кузнецы с хуторов близ Диканьки, с прикрытой чем-то бесформенным головой.

Я встал, подхватывая свою дубинку. Размахнуться палкой не позволяло тесное пространство. Поэтому, не особо мудрствуя, перехватил дубовый сук в середине и со всей дури приложил вторженца где-то в районе уха. Чертов ассасин безмолвно повалился вбок, крепко приложившись о дощатую боковую стенку, а затем стёк по ней на пол. Замер без движения.

Первый вошедший слегка присел перед моей куклой, практически одновременно с моим сокрушительным «приветом», и с размаху вонзил свой нож в мою куклу. Его оружие – кажется, подобные называют «ханджар», ими все сувенирные лавки забиты в Салониках – благополучно застряло в плотном кожаном рулоне. Но он даже не попытался его вытащить. Стремительно развернувшись, он упал на тело напарника у своих ног с криком:

— Брат, брат!

Я прижал свою дубинку в районе его шеи:

— Замри, чатлах, и не шевелись – в миг твою тупую башку снесу!

— Что ты наделал?! – тихо возопил этот неудачник, обнимая напарника и всхлипывая. Я с огромным удивлением понял: судя по голосу и фигуре, передо мной юнец, только-только сбросивший первые усы. – Ты за это ответишь! Если ты его убил, тебе не сносить головы. Мы – из стражи Патриарха!

— Да хоть султана! Руки назад протяни, иначе брату твоему не помогу, и сам к нему присоединишься – как покойник.

Этот дурачок безропотно сложил руки за спиной, успев, похоже, убедиться, что подельник дышит. Я быстро скинул тряпку с левой руки, скрутил ее наподобие жгута. Отложил не без опасений свою дубинку в сторону, постарался связать руки нападавшему. Потом тряпкой с правой руки проделал аналогичное со вторым. Поднапрягшись, я привалил обоих к стене. Грозно цыкнул на мальчишку, пытавшегося что-то сказать.

Подхватил уцелевший у двери кувшин, сдернул с головы потерявшего сознание «брата» что-то вроде монашеского куколя с вышитыми крестами и полил на него водой. Даже попытался немного влить в неплотно сжатые губы. Пострадавший монах что-то попытался промычать, пытаясь позвать.

— Не надо, не надо, – запричитал юнец.

— Что в кувшине, отравы?

— Нет, сонное зелье.

Я хмыкнул, довольный своей предусмотрительностью.

— Заснуть – не сдохнуть. Кто вы такие?

— Мы из стражи Патриарха, — уверил меня юный капитан очевидность.

— Забавная у Всесвятейшества Константинопольского охрана. Или вы по мокрым делам, в смысле, по убиению православных?

— Какой из тебя христианин, коль ты греков с турками равняешь?

Вот и вторая, после кувшина, ласточка связи этих лузеров с Николкой-чатлахом.

— Не тебе, поганец, судить. Я турок больше прирезал, чем ты за сиську подержался, – решил я для поднятия авторитета прихвастнуть предполагаемыми подвигами Варвакиса. – Помолчи пока. Заговоришь, лишь когда спрошу, не то пипирку отчекрыжу.

Я вернулся к моей кукле и с трудом вытащил ханджар. Потом обыскал пол. Нашел дубинку, похожую на мою, только поровнее и поувесистее. Не ей ли утром угостили Варвакиса?

— Эй, ты, отрывка богословия, вы что ли на меня напали ранее?

Монашек, как и брат (не поймешь, родной или во Христе), обряженный – я в монастырских одеждах плохо разбирался – в черную рясу или подрясник, промычал что-то отрицательное.

— Ну, нет, так дело не пойдет. Добрым словом от тебя, похоже, ничего не добьешься. Будем резать, как говорила одна веселая врачиха.

Про врачиху юнец ничего не понял, но слово «резать» сомнений у него не оставило. Тем более, когда я стал задирать ему рясу. Он засучил ногами, но припертый к стене, отползти никуда не смог. Под верхней одеждой у него, к моему великому удивлению, нижнего белья не обнаружилось. Прижать плоскость ножа к внутренней поверхности бедра ничего не мешало.

— Замри, если не хочешь в евнухи! – юнец немедленно послушался. – Повторяю вопрос для особо непонятливых: первое нападение – ваших рук дело?

— Наших, – обреченно подтвердил монашек. – Прости, добрый человек, черт попутал!

— Вашего черта звать Никос Теримос, и, судя по всему, вы заявили доделать недоделанное, получив рекламацию от заказчика.

— Чудно ты слова складываешь, грек. Словно в Пере живешь у франков.

Вот же ж! Надо за лексикой следить внимательнее, чтобы не получить проблем с коммуникацией.

— И почему нынче похоронить? Или притопить, не знаю ваших планов? Какие расценки у Никоса?

— Дукат получили, – признался незадачливый ассасин образца 1836-го года.

— И где-же пиастры?

— Мы же не дуралеи по ночам с золотом в мошне бегать.

— Какие из вас дуралеи – это мы мигом проверим.

Я принялся шустро обыскивать братьев. Мои подозрения подтвердились. У монашков нашёлся пяток серебряных курушей разного номинала и мелкие монеты в 10 и 20 пар. Что с бою взято, то свято! Угрызений за мародерку я не испытывал никаких. Уважающему себя попаданцу без лута – труба: ни попить, ни подкрепиться, ни номер в местном «Хилтоне» типа караван-сарая не снять. Добыча легко пристроилась в моем креативном «кошелечке» под мошонкой. (А интересно, есть связь между мошной и мошонкой?)

— Да вы богатенькие Буратины, – снова, не подумав, брякнул я, вызвав очередное удивленное хмыканье. Но про «богатеньких» до хроноаборигена дошло сразу:

— Ночью всякое случается. Иногда приходится от патрулей откупаться.

— Что ж мне с вами делать? Понять и простить?

Юнец, ожидаемо, закивал головой.

— Или упокоить? – с сомнением размышлял я вслух.

Моя новая мысль у монашка восторга не вызвала, он затряс головой уже в обратном направлении, но я прижал палец к его губам, чтобы не мешал мне думать. Идея родилась быстро, но все еще хватало доводов за и против. Требовалась пауза на раздумья.

Нищему собраться – только подпоясаться. В моем случае – с помощью двух тканых поясов, снятых с братьев-терпил. Прихватив куколь старшего брата и накинув на плечи рогожку, я осторожно выскользнул из сарая. Обе дубинки и ханджар, к которому у юнца нашлись ножны, я пристроил на присвоенные пояса.

Я тихо крался вдоль деревянных «скворечников» в расчете найти какое-нибудь местечко, чтобы затаиться и понаблюдать за дальнейшим развитием событий. Уверен, моим несостоявшимся убийцам и в голову не придет, что я остался во дворе, как и Никосу, если он выскочит сейчас проверить выполнение его заказа. Увидел узкий просвет между сараями. Закинул туда рогожку, втиснулся сам, сверху прикрыв голову куколем. Хрен меня кто разглядит впотьмах.

Стоило подумать о своем поведении. Понятно, был напряженный момент, я не Рэмбо, крушащий врагов направо и налево. Я вообще-то мирный человек, нахватавшийся азов в своей

«Африке», чаще огребая от гопников, чем побеждая. И понятен мой упоительный восторг от победы над превосходящим противником и моя нервическая реакция, проявившаяся в болтовне. Тут меня явно понесло куда-то не туда. Если хочу выжить, надо за языком следить внимательно и не сыпать киношными афоризмами и непонятными словами, чтобы не плодить подозрений в свой адрес. И не считать себя непобедимым героем, способным визиря подергать за бороду: миг без головы останусь. Нужно успокоиться, вдох-выдох, вдох-выдох...

И еще. Что делать с Никосом? Сколько раз в своей жизни я сталкивался с предательством, с банальным разводом на деньги и имущество, с черной неблагодарностью, с житейским хамством или неприкрытой агрессией! Сколько раз мне на ум приходила очевидная мысль: око за око! И сколько раз меня останавливал вбитый в подкорку христианский завет – не убий! Не страх наказания, нет. Именно, привитое мне обществом понимание ценности человеческой жизни.

Впрочем, я лично не сталкивался прежде с заказными убийствами, никогда не был целью, лишь читал и видел по ТВ многочисленные кадры уличной жестокости Тбилиси 90-х. А тут и дня не прошло, как в меня попытались воткнуть такой нож, после которого не выжить. Лишь моя предусмотрительность уберегла меня от рокового удара.

И имя заказчика известно. Мотивы его не ясны, но виновность очевидна. И, значит, остается одно: решить для себя, готов ли я стать судьей и палачом? Я не в уютной Греции. Не среди темпераментных грузин, которые, за редким исключением, удивительно мягкие и добрые люди, которым дороже всего на свете хорошая компания, кувшин «Ркацители» и тарелка хинкали. Я в центре мира жестокости, варварских порядков и наплевательского отношения к чужой жизни. И играть надо по правилам этого мира, иначе не выжить. Надо. Но ссыкотно...

Мои размышления прервала возня у покинутого сарая. «Долго же копались», – подумал я, наблюдая, как младший почти тащит тело старшего брата: ни дать ни взять проводы до дома изрядно поднабравшегося в кабаке. Если Никос следит в окно, может, вполне, решить, что тащат оглушенного или прибитого меня. Значит, мой выход.

Стоило братьям покинуть двор, вылез из своей щели – наблюдательного пункта. Оставаясь в густой тени сараев, надрезал рогожку прямо посередине полотнища, напялил ее на себя на манер пончо. Обвязался одним из поясов, на котором болтались ножны с ханджаром и дубинка, напялил куколь на голову. Сделав небольшой крюк, двинулся ко входу в жилище Никоса. На темной лестнице я вооружился – нож обратным хватом в одну руку, дубинка – в другую. Прислушался. Тишина. Крадучись поднялся на второй этаж и замер у проема, ведущего в комнату Никоса. Из-за двери раздался тихий шепот:

— Аминтас, ты?

— Я.

Ответ мой был еле уловим. Никос купился. Дверь открылась, и предатель схлопотал по лбу дубинкой, отшатнулся. Ноги его запнулись, он приземлился на заднюю точку. Я влетел в комнату и ударом пяткой в грудь опрокинул его на спину. Прикрыл дверь.

— Можешь рискнуть закричать, – предложил я, – мигом глотку перережу. Хочу лишь поговорить.

Никос тяжело дышал, чуть всхлипывая и не отводя от меня взгляда. В углу тлела свечка у иконки, тени металась по комнате, ему было страшно. Резко запахло потом.

— Умный мальчик! – с одобрением сказал я. – Ползи к кровати и там замри.

Никос, ни слова не говоря, приподнялся на локтях и пополз спиной к низкой лежанке.

Я обогнул его. Пристроившись сзади на коленях и придерживая за ворот крепкого суконного жилета, стал поглаживать его затылок моим трофейным ханджаром. Никоса стала бить легкая дрожь.

— Это Афанасиос! – не дожидаясь моего вопроса, прошептал купец. – Он твою смерть заказал. Хочет возобновить торговлю со мной, но боится, что ты его к судье потащишь.

— И дорого он заплатил?

— 50 дукатов.

Я восторженно присвистнул. Местных расценок я не понимал, но пропорция между отданным и полученным Никосом меня восхитила. Один к пятидесяти, настоящий торговец. Все греки оценили бы. И не только они.

— Что будем делать? – как-то обреченно поинтересовался Никос.

— Как что? Разбираться. И главный мой вопрос: сколько ты мне должен?

— Мелькала же у меня мысль, что ты меня морочил, когда про потерю памяти говорил. Эх, пожалничал, голову потерял, думая, что все уже мое.

Все ясно. Я, похоже, вложил в его дело, и эта мразь решила одним ударом двух зайцев убить. Впрочем, деньги у него были не мои, а Варвакиса. Сколько бы их не было, не я их заработал. И их потеря меня не сильно волновала, но Никосу о том знать не нужно.

— Так сколько, по-твоему, с учетом происшедшего? – хитро озадачил я Никоса.

— Пол-лавки своей на Гранд Базаре тебе отдам вместе со складом.

— Нет, расчет здесь и сейчас, не пытайся из меня сделать дурака. Стоит нам пойти к судье, как ты меня тут же объявишь преступником.

— Где же я возьму дома такую сумму? Аааааа...

Я придавил лезвием затылок Никоса, брызнула кровь. Он закричал, но не громко, скорее завывая.

— Заткни пасть, мараз! Хочешь, чтоб у меня не осталось выбора?

Я переместил нож к его горлу и снова слегка надавил. Он яростно зашептал:

— Не убивай, я все-все отдам, все, что есть, все накопленное!

— Мне все не нужно. Хочу здесь и сейчас. Ничего нет – режу горло и ухожу. Дашь отступных, останешься в живых. Потом встречу тебя, где захочу, и договоримся о дальнейшей твоей судьбе. Что меня может остановить? Подумай, хорошенько все взвесь.

Я замолчал, напряженно ожидая ответа. Никос молчал: жадность в нем боролась со страхом.

— Вот ты тупой, как деревяшка! Если ты думаешь, что я ничего не выиграю от твоей смерти, ты ошибаешься. Найду ключи от лавки, утром распродам по дешевке ковры соседям и сбегу обратно хоть на Острова, хоть в Салоники! Только живым сохранишь свое достоинство. И со мной сможешь рассчитаться. Выходит, ты мне живым нужен, но без денег я не уйду.

Снова повисла тишина в комнате, только плясал огонек свечи в углу. На нас скорбно глядел лик Божьей матери.

Комната небольшая, с лежанки все видно, как на ладони. Ни стола, ни стульев. Большой ларь в одном углу. Под окном набросаны три коврика – братья килимов из лавки. Рядом небольшая стопка деревянных ящичков и корзинка. За ними стопка глиняных тарелок, чашек и немного железной посуды для готовки. Ни следа очага: наверное, даже кофе гостю варил на улице, во дворе. Вон, кстати, кофейник стоит и четыре чашечки на круглом подносе.

— Отодвинешь ларь, под ним половица со знаком креста. Там моя заначка на черный день, – хрипло признался Никос.

— Ты понимаешь, что я не уйду, пока все не обыщу? Сейчас крепко тебя свяжу и начну поиск. Уверен, в стенке ларя что-нибудь да найдется.

— Я правду сказал, зачем не веришь?

— Верить тебе? Тебе, паскуде? Пощекочу ханджаром, запоешь соловьем. Ну, давай! Говори, где еще?!

— Я правду сказал, клянусь моим покровителем, Николаем-угодником!

— А если найду? – хмыкнул я, подражая гопникам моего детства.

— Что найдешь, все твое, – зло выпалил Никос.

Он вдруг резко попытался вскочить, непонятно на что рассчитывая, и сам – САМ – вскрыл себе горло. Я не успел убрать руку. Наоборот, ее словно кто-то направил и удержал. Из разверстой раны ударила струя теплой крови.

... Я тупо пялился на дёргающееся тело, на кровавый фонтанчик, выплескивающийся толчками из широкой раны и брызгающий во все стороны.

Неужели я это сделал? Я же за всю свою жизнь не держал в руках ничего опаснее клави от компа... Всего пару дней назад я ныл и жаловался на кризис среднего возраста... Этот идиот сам виноват: моя угроза все найти отключила ему мозг. Жадность выиграла. Что не отменяет того, что нож был в моей руке. И я, похоже, ищу себе оправдания.

Это я сделал или не я? Реципиент или донор?

Чертов Раскольников, чертово его «право имею». Впрочем, я уже не тварь дрожащая, если верить Федору Михайловичу. Или он другое имел в виду?

Я подошёл к иконке, перекрестился и попросил у бога прощения. Но в душе я никакого раскаяния не чувствовал. Собака получила заслуженную кару. Не моя вина! Мне и выбирать не пришлось. А с другой стороны, что мне оставалось делать? Ждать божьего суда на небесах? Очень спорная идея. Останься гад живым, на эти небеса мог бы отправиться я сам.

Теперь надо собраться с мыслями, все тщательно продумать.

Естественно, ни в какую лавку я не пойду, к товарам и пальцем не притронусь. Лучше так сделать. Я сдернул с головы куколь Аминтаса-убийцы и заткнул им рану на шее Никоса. Он уже отходил, но последних сил ему хватило, чтобы плотнее затолкать мягкий головной убор в кровавую щель.

Вот, теперь картина станет веселее, если можно употребить это слово здесь и сейчас. Никакого анализа на ДНК, никаких отпечатков пальцев. Станут искать преступников, первыми под подозрение попадут братишки-монахи. Ежели их вдобавок кто-то заметил заходившими к Никосу, то вообще все будет чики-пуки, никто на меня не подумает. Вдобавок перевязь с ножнами здесь сброшу, а нож где-нибудь во дворе, где оставил второй пояс. За все в этой жизни надо отвечать – деньгами, свободой, жизнью, бессмертной душой. Аз воздам, братья-монахи, наемники-киллеры недоделанные!

Мое импровизированное пончо мне уже ни к чему. На нем могла кровь остаться, так что снимаем и накрываем усопшего.

В углу у иконы нашлась свежая свечка, я подпалил ее от горящей. Прежде чем начать поиски, нашел кувшин с водой и сделал хороший глоток. Все ж, как не хорохорился, сердце в груди ходило ходуном, в висках стучало: бум-бум-бум...

Еще раз осмотрел внимательно комнату. Ларь подождёт, сперва приступим к планомерному обыску, обходя прикрытую рогожкой лужу крови, чтобы не вляпаться.

Оставив на десерт угол с посудой и припасами, я начал с места у ковриков. И сразу находка. Под самым окном скрывалась хорошо замазанная мягкой белой глиной ниша, откуда вытащил небольшую квадратную коробочку из ливанского кедра с инкрустацией перламутром в простой тряпице. Открыв приятно благоухающую крышку, я стал богаче на десять австрийских дукатов – тех, которыми татарки и армянки любят украшать свадебные платья и головные уборы, – и мелкий флакончик с благовониями или духами. Редкой жадности скотиной был покойный, молчал ведь до последнего, как партизан на допросе, не убоившись моих угроз наказать, если найду сверх им обещанного.

Далее разбив пространство комнаты на прямоугольники с помощью двух ковриков, я тщательно проверил стены и пол, аккуратно постукивая рукояткой ножа. Изучив один прямоугольник, пунктуально сдвигал оба килима и двигался дальше.

До ларя находок более не случилось. Следовало бы, проверить и потолок, но как это сделать, идей не нашлось.

В боковой поллой стенке ларя, ожидаемо, обнаружилась солидная горсть золота – ровным счетом 49 турецких золотых. К гадалке не ходи, остаток награды за мою голову. О чем только думал этот глупый пацак, когда пытался меня надурить? Меня, насмотревшегося фильмов про тайные захоронки советских цеховиков.

Нашлась и половица с крестом. Вот тут я решил проявить осторожность: слишком все просто и очевидно, возможна ловушка. Ханджар меня не подвел, помог справиться с половицей. Поднимал ее аккуратно, прикрывшись килимом на всякий случай. Но Бог миловал: ловушки не было. Зато на свет, который потихоньку разгорался за окном, был извлечен добротный ящик – латунный, с изящной арабской вязью на крышке и тремя отделениями внутри, разделенными двумя тонкими деревянными планками. В одном снова были золотые монеты разного достоинства и из разных стран – в основном пятирублевики с императорским орлом и цифрой 1832, в другом – горсть жемчужин и других камней, в чьей ценности я ни разу не спец, а в третьем – скрученные бумаги, до которых мне дела не было. Я их просто отбросил, заменив на уже найденные золотые и флакончик с духами.

Правда, все золото не поместилось, несмотря на то, что я рассыпал немного монет поверху тонким слоем – сколько влезло. Пришлось мне снова переместить духи в кедровую коробку вместе с драгоценными камнями, а в освободившееся отделение аккуратно колбаской уложить дукаты. Вот теперь все, хоть и с горкой, вошло четко, крышку удалось закрыть плотно.

Ба, да я же чертов граф Монте-Кристо! Золото манит нас! Сказал бы мне кто-то про роаяль в кустах, я б ему... предложил посмотреть на труп за моей спиной, стыдливо прикрытый рогожкой. Все великие состояния начинались с преступления!

Вот только содержимое красивого сундучка – скорее плоский ящичка, если честно, – на состояние не тянет, как и на стартовый капитал. Вся это груда золотых монет – это много или мало[1]? Я не знаток стамбульских раскладов, цен на домики в кипарисовой роще, а также на виллы на местной Лазурке, как и на стоимость доли в прибыльном предприятии. Как основа для старта – возможно. При условии знания еще трех составляющих успешного бизнеса: ноу-хау, верного персонала и связей с местной администрацией и торгово-коммерческой элитой. Ноу-хау – такого добра в моей голове навалом, при должном напряжении извилин, но... Боюсь, мой здешний потолок – это палатка, торгующая импортным шнапсом или русским сахаром, применяя категории современного мне мира. Успешной до прихода местного шерифа по имени сераскир. И не стоит забывать про палки по пяткам.

Есть и новая проблема, знакомая всем, кому неожиданно привалило богатство, пусть криминального происхождения и не поддающееся оценке в тех же евро. Где прятать награбленное? Банков нет, ячеек в отеле придется подождать лет этак сто... Эх, трудно жить на свете «новому греку». Вот так всегда: не было печали, сами накачали.

Как местные решают такую проблему? Легко представить следующую ситуацию: приходит этакий всклокоченный персонаж, с побитой головой и в лохмотьях в подозрительных пятнах, к своему соотечественнику типа покойного Никоса и говорит: уважаемый, прими на сохранение сундучок с моим богатством. Вопрос задачи: сколько часов проживет данный грек, после передачи в цепкие лапки ушлого купца нежданно свалившегося богатства? Правильный ответ: до ближайшего перекрестка.

Остается прятать. То есть, как минимум, копать. Значит, от ханджара пока избавляться не стоит, тем более что нужная улика в виде пояса и ножен уже пристроена под телом Никоса.

Далее, вопрос: где, собственно, копать? Или расковырять нишу в древней стене, прикрыв ее затем удачно вывалившимся кирпичом? Или найти никому не известный подвал? Необитаемый остров, на худой конец, до которого еще нужно как-то добраться? Вот вопрос вопросов. Я здесь суток не прожил, и самое тупое, что может прийти в голову, – это использовать знако-

мые места, то есть лавку Никоса или окрестности его дома. Глупее не придумаешь, если нет желания отдаться в загребушие руки местного уголовного розыска.

— Думай голова – феску куплю, — сказал вслух с усмешкой.

Голова сразу испугалась и тут же родила креативчик, возникший из ассоциативной связи – ковры-килимы и тайные подземелья. Дело в том, что меня возили во время тура в Стамбул в ковровый магазин Наккаш, под которым находились древние византийские цистерны. Осталось вспомнить, какие укромные местечки под землей есть в центре Стамбула, а не за его пределами, открытые в XX веке?

Идеальным местом мог бы стать дворец Цистерны Базилика, которой я тоже посетил и в котором в 19 веке передвигались на лодках при свете факела, как нам рассказывал экскурсовод, сокрушаясь из-за падения уровня воды в современном Стамбуле. Дворец уже известен. Но туда добираться далеко и опасно с таким грузом, как у меня. И в утренних сумерках или в лучах восходящего солнца я со своим приметным ящиком в руках – даже на голове на восточный манер – точно покажусь или лакомой добычей для любителей легкой поживы, или упитанным «кабанчиком» для местных полицаев. Куда же податься? Что есть подходящего для моих планов в районе Гранд Базара, что скрывают его недра?

Я подтащил все три килима к окну, уселся, сложив ноги по-турецки, лениво глянул на россыпь тарелок и домашней утвари по соседству, тут же отказавшись от идеи искать там новый клад. Задумался, глядя на восход солнца в Стамбуле 19 века.

Зрелище было впечатляющим и символичным! За спиной труп, перед глазами стена из камней и палок, над которой восходит солнце, подсвечивая минареты, с которых уже давно раздавались гнусоватые крики муэдзинов. Истинный театр абсурда! Оставалось лишь посетить местный буфет из запасов Никоса, повинуясь зову плоти, чтобы нанести последний мазок на столь сюрреалистичную картину.

В деревянной коробке под плотной кожаной крышкой нашлась холодная баранина, в корзинке – горстка сухофруктов, а в бутылке – неплохое белое вино. Конечно, не «Завтрак на траве», скорее, «Пикник на обочине», но тоже неплохо. Стимулирует работу мозга.

В сухом остатке имеем все тот же незамысловатый вопрос: куда податься бедному греку с ящичком золота? Допустим, я смогу его примотать к телу, используя кучу тряпья Никоса, вываленную из ларя. Оставлять что-то себе из его одежды – столь же смертельно опасно, как и заявиться в его лавку распродавать килимы. Но использовать на коротком разбеге – почему бы и не да?

Но что же дальше?

Тут вспомнил еще одну картинку из будущего. Буквально в нескольких сотнях метрах в Капалы-Чарши стояли знаменитые древние бани Гедикпаша Хамами, словно утонувшие в яме под грузом веков. В этом храме чистоты, созданном велением султана и требованиями ислама, был бассейн – единственный в своем роде, помывочная гордость Османов. Следовательно, должны быть питающие источники, быть может, византийские цистерны, давно позабытые, но активно используемые.

Я сидел у окна, жевал баранину с сушеной вишней, потягивал вино прямо из бутылки – и просто офигевал. Чтобы почувствовать себя настолько живым, настолько благодарным восходящему солнцу, нужно, оказывается, умереть, пройти сквозь жестокость незнакомого мира, вкусить горечь предательства единоверцев и своей рукой уничтожить врага. Мне, буквально несколько дней назад бывшему простым менажером, жалующимся на скуку, было и сладко, и страшно. Я не узнавал себя, настолько всё это было для меня неожиданно возбуждающим.

[1] Косту, как и читателей, ждет сюрприз во второй книге, в которой он узнает, почему золотые монеты в Российской империи. В Османской же один пиастр стоил четверть франка. 40 франков стоили 9.84 руб. серебром.

Глава

Глава 4. Турецкие роскошества.

На задворках Гедикпаша Хамами былолюдно, несмотря на ранний час. Сновали носильщики с высокими корзинами, сгибаясь под тяжестью дров из Белградского леса, что в 20-ти километрах от столицы, и груза оливковых косточек, которые поставлялись из-под пресса маслодавилен и тоже шли в печи. Прачки тащили кипы свежих полотенец и накидок, водоносы – длинные высокие кувшины с узким горлом, банщики – мытые шайки, стопки медных чаш и деревянных башмаков. Никому не было дела до странного толстого турка, который не спеша пробирался вглубь банного корпуса, помахивая стеклянным фонарём с одинокой свечой под медным узорчатым колпаком.

Я прикрутил к телу свой драгоценный ящик, используя всю подходящую одежду покойного Никоса. Стал похож на многослойную капусту. Сверху это безобразие я прикрыл длинной белой рубахой, в которую едва влез, и халатом-накидкой. На голову напялил феску, которую туго обмотал тканью наподобие тюрбана. В общем, изменился до неузнаваемости и стал похож на турка-неряху, мало обеспокоенного своим внешним видом, но уверенного в своем праве благодаря желтым туфлям, обнаруженным в ларе предателя[1].

Покинул дом Никоса засветло, но вряд ли меня кто-то сможет потом узнать. Легко нашел дорогу до Гранд Базара. Спросил про бани у прохожих – и вот я уже почти у цели. Без проблем и лишних вопросов миновал оба купола главного корпуса – мужского и женского отделений. Добрался до чрева хамама – длинного ряда уже пылавших печей.

Полуголые и мокрые от пота кочегары не обращали на меня внимания: они торопливо перемещались вдоль открытых топок, скармливая им все новые и новые порции дров. Баня сама себя не нагреет, а час открытия уже близок.

Остановил одного из местных работников. Изобразил свирепое выражение лица и грозно, но не совсем внятно, произнес, ибо за щекой прятал на всякий случай золотую и серебряную монеты:

— По приказу его превосходительства сераскира надлежит мне осмотреть цистерну, что питает ваш хамам. Изволь указать мне вход, раб.

Кочегар-абиссинец недоуменно пялился мне в грудь, не смея поднять глаза на важного господина. Ему потребовалось усилие, чтобы понять мой вопрос. С жутким акцентом он ответил:

— Там лестница вниз. Под дом уходить. Там... ваш... эээ...

— Цистерна? – уточнил я.

Весь в разводах от сажи на темной коже, закопченный красавец с христианским крестом на шее, сверкая белоснежными зубами, молча указал направление. Я также молча протянул ему фонарь, чтоб зажег. Мне и в голову не пришло воспользоваться кресалом. Как им пользоваться, впрочем, как и множеством других непривычных мне действий, мне еще предстояло научиться.

С уже зажженным фонарём я приблизился к странному спуску, уходящему под примыкавший к баням дом. Древние, выщербленные стенки лестницы были выложены вперемежку камнем и кирпичом. Сам вход образовывала арка из светлых известняковых блоков, испачканных старой копотью. Она была завалена каким-то мусором, щебенкой, осколками керамики и землей. Мне предстояло протиснуться в узкий лаз, рискуя оторвать от себя мою «прелесть» с золотишком внутри.

Делать нечего, я грустно вздохнул и полез.

Не сказать, что я страдаю клаустрофобией. Но перспектива ползти неведомо сколько времени по темному и узкому лазу прельщала не особо. И ладно бы в руках был только фонарь,

который, кстати, нужно было беречь так же, как и все остальное. Не хватало мне ещё и застрять там в полной темноте.

Прополз пару метров и задумался: а вдруг впереди будет так узко, что придется расширять лаз? Не руками же это делать?

Остановился, перевернулся на бок, достал ханджар. Теперь обе руки были заняты. Пришлось вначале вытянуть их, поставить фонарь, положить кинжал, подтянуться. Взять в руки фонарь и ханджар, вытянуть руки, поставить фонарь, положить ханджар, подтянуться... Я приготовился к долгому и нудному путешествию.

К моему удивлению и радости всего через пять-шесть минут такой змеиной «зарядки», не столкнувшись ни с одним завалом, я увидел конец лаза и открывающееся пространство. Оно с трудом просматривалось в неровном свете моего фонаря.

Повторив в последний раз уже привычный алгоритм движений «фонарь – ханджар – подтянуться», я высунул голову из лаза, пристроив сбоку свой источник света. Затаил дыхание. Вероятность того, что кто-то, кроме меня, решил «насладиться» видом заброшенной цистерны, тем более, спрятать здесь сокровища, была ничтожна. Но мне уже было достаточно беготни и драк. Долго прислушивался и всматривался. Полная тишина, нарушаемая только звуком падающих капель.

Выдохнул. Подтянувшись еще пару раз, вылез окончательно. Взял фонарь в руки, поднялся на ноги. И опять пока не обращал внимания на саму цистерну. Водил фонарем, высматривая, нет ли кого вокруг? Никого не было. Выдохнул еще раз.

Как человек, видевший знаменитую и поражающую своей красотой цистерну Базилику, я, наверное, должен был бы разочароваться при виде открывшегося бассейна. Уже по размерам он максимум претендовал на роль «закутка». Да и форма была нелепая, напоминавшая бумеранг, или знаменитую кривую турецкую саблю, которую вечно путают с ятаганом. Но я не разочаровался. Я обрадовался.

Осмотрел потолок, задрал фонарь повыше. Чуть наискосок от того места, где я стоял, в нём зияла довольно внушительная дыра, заваленная кирпичом, из кучи которого, в свою очередь, торчали уже изрядно прогнившие доски. Кажется, теперь стала понятна причина, по которой эту цистерну не включили в общий каскад. Землетрясение. Наверняка. Кирпич и доски от разрушенного дома. И после уже никто не решился сюда наведываться. Лучшего места и не придумаешь. Не было надежней гарантии, что сюда в ближайшее время полезут какие-нибудь рабочие.

Поставил фонарь на землю. Бережно уложил рядом все свои сокровища. И хотя было и сыро, и прохладно, я не обращал на это внимания.

Разделся догола. Стал думать, как аккуратнее влезть в воду. Пока раздумывал, моя ступня и мокрый камень под ней все за меня решили. Поскользнулся и с грохотом свалился в воду, попутно стукнувшись головой о край этого громадного «бассейна». Благо было неглубоко, тут же вскочил на ноги. Воды было по пояс. Все ж таки в густой шевелюре, смягчившей удар, есть свои достоинства. Невеликие... Привык я к лысой голове!

«Шевелюра шевелюрой, – подумал я, – но ты бы уж поберег голову. Такими темпами недолго и дурачком стать! Ладно – за дело!»

Разглядеть дно не было никакой возможности. Фонарь не пробивал даже такую небольшую толщу воды. Переставил его на край бассейна.

Делать нечего – нырнул. Стал руками ощупывать дно, двигаясь к краю. Уперся в стенку. Рука пошла в сторону – и провалилась!

Нет, мне сегодня определенно фартило! Вода чуть подмыла край стенки, и между дном и этим краем образовалась небольшая ниша. Вынырнул. Схватил ящик. Теперь, уже держа голову над водой, пристроил ящик в эту нишу. Идеально! Чуть подумав, схватил лежавший на краю большой камень и привалил его к ящику. Не подкопаешься!

Теперь преступная одежда. Схватил ее в охапку, пошел к дальнему острию цистерны-сабли. Где-то на середине почувствовал, что дно резко ушло вниз. Пришлось чуть проплыть. Ближе к «острию» снова встал на ноги. Нырнул, положил одежду на дно, рукой нащупал несколько камней, придавил одежду. Вынырнул.

«Мало камней!» – подумал и нырнул обратно.

И, пока не воздвиг над одеждой небольшой холм из камней, не утомился.

«Мне сейчас случайностей не нужно!» – думал, выбираясь из воды.

«Так! Осталась кедровая коробочка, которую в воду не сунешь, фонарь и ханджар. Фонарь лучше оставить в паре метров от входа в лаз. Снаружи никто никогда не увидит, а мне ползти в следующий раз в полной темноте, тоже нет надобности. Надо раздобыть кресало. Ханджар... Ханджар...»

Опять пришлось лезть в воду. Подумал, что лучше всего будет положить его рядом с камнем, прикрывавшем ящик. Пристраивая ханджар, еще раз бросил взгляд на дыру в своде, заваленную кирпичом.

«А, ведь, если подтянуться чуть-чуть, достану. И вон за той гнилой доской коробочка и поместится!»

Так и вышло. Я выдохнул. И хотя дрожал от холода, был доволен. Облачился в свои обноски прямо на мокрое тело. Взял фонарь в руки. Опять медленно и подробно, метр за метром обвел светом все пространство и свода, и поверхности воды.

«Чистая работа!» – хмыкнул удовлетворенно.

И уже обратная дорога по узкому лазу не казалась мне сложной и утомительной.

Я вылез из подземелья на свет божий новым человеком. Никто не узнает в обтрепанном оборванце во влажных грязных обносках и с всклокоченной шевелюрой прежнего толстого важного турка. Скорее я сойду здесь за местного служку. Мне никто не помешал добраться до главного входа в главный корпус Гедикпаша Хамами.

Утро уже было в разгаре, в баню спешили первые посетители. Клиентов было немного – не то, что в четверг, когда перед пятничной молитвой толпы мусульман спешат на омовение. За важными посетителями следовали слуги с черными атласными сумкой с банными принадлежностями. Всех встречали банщики-теллаки, почтительно кланялись и провожали внутрь. Но на меня все смотрели как на пустое место, а албанцы, которые, как среди них было принято, работали в хамаме, – с нескрываемым презрением.

Но мне было плевать на косые взгляды. Я заслужил свой кусочек кайфа, я нуждался в основательной отмывке, стрижке и новой одежде. Я хотел очиститься хотя бы внешне. В данную минуту я хотел в хамам больше всего на свете.

В стороне от албанцев стоял полуголый грек с крестом на шее и в традиционном банном полотенце вокруг бедер – в пештемале. Я подошел к нему, вынул изо рта золотую монету и незаметно показал:

— Земляк, ты можешь мне сделать красиво?

Добродушный толстяк с такими пышными и ухоженными усами, что впору завидовать, улыбнулся:

— Это моя работа, господин. Идите за мной и не обращайтесь на этих кровожадных выкорышек суровой Адриатики. Я приму вас, как анатолийского пашу – со всем моим прилежанием и умениями. Уверяю, лучшего кейфа[2] вы не найдете во всем Константинополе.

Теллак провел меня внутрь и проводил на галерею на втором этаже. Там были устроены крохотные приватные кабинки для переодевания местных VIP-персон. Из красивого соснового ящика во всю стену банщик достал для меня целый набор: два полосатых пештемала, деревянные, украшенные серебром и перламутром шлепанцы на двойных высоких каблуках, мало подходящих для комфортной ходьбы, красивую медную чашу для обливания тела водой и круглую шкатулку для монет и драгоценностей-украшений, которых у меня не было.

— Кладите сюда свой золотой и все, что есть еще. Из рук не выпущу, лично отвечаю перед вами, уважаемый, своей старой головой. И не беспокойтесь за полотенца, у меня всегда для вас найдется сухое. А свои грязные вещи вы можете бросить на пол – все отстираем и просушим к концу вашего пребывания в нашем храме чистоты.

— Эти обноски – только на выброс. Держи золотой – он твой. Вот мой кошель с монетами – я тебе доверяю. И мне нужна новая одежда, цирюльник и много-много воды, чтобы стать подобным героям древней Эллады.

Банщик с поклоном и каким-то внутренним достоинством принял мою монету.

— Как обращаться к вам, господин?

— Зови меня Костой, и давай без лишних церемоний. Я уважаю старших, где бы я ни был, а мудрых единоверцев – еще больше.

— Так мы тезки! – не стал ломаться теллак. – Я Константин. Переоденься и следуй за мной.

Я оставил надоевшие лохмотья, как было сказано, на полу, обернул бедра полотенцем и двинулся за банщиком. Он повел меня вниз запутанными переходами. Мы добрались до настоящего склада с одеждой, аккуратно разложенной по полкам.

— Что только не оставляют люди в бане, Коста. Просят постирать или забывают в кабинке, потом не возвращаются. Вещи копят – причём, на любой цвет и вкус. Все пропарено и отглажено, никаких вшей и прочих паразитов, пахнет лавандой или мелиссой. Как бы ты хотел выглядеть: богатым купцом, чиновником визиря, работником мастерской или продавцом бузы? Я любой вид тебе придам, только скажи.

— Давай я буду балканцем, который прибыл в столицу на заработки.

— Православный босниец сойдет?

— Идеально!

— Тогда нам нужны: обычные подштанники, белая рубашка, штаны, на ноги опанки с загнутыми носами, на голову – плоская феска, бордовый жилет с красивым узором, к нему еще добавим доломан и под цвет жилета расшитый кушак. Все в наличии и все твоего размера, – по-доброму улыбнулся Константин, набрав с полок нужные вещи. – Могу еще добавить боевой пояс для ножей и пистолетов, но оно тебе нужно?

Я отрицательно покачал головой, не скрывая своего удивления быстротой и качеством выбора новых нарядов.

— Даже не буду ничего примерять. Не хочу одежду пачкать. И уверен, ты все точно на меня подобрал. Сразу видно профессионала!

Константин довольно погладил свои роскошные усы.

— Тогда к цирюльнику?

— К нему в первую очередь, а потом мыться, греться и массаж! О, как же я его жду!

Через полчаса я, бритый налысо, с аккуратно обработанной квасцовым камнем раной на голове, с восторгом окатывал себя теплой водой, а Константин все с той же добродушной улыбкой, держал мои вещи. Потом он подозвал мускулистого мойщика-массажиста и с его помощью устроил меня на краю мраморной плиты с подогревом. Мойщик снял с меня деревянные шлёпанцы и начал медленно растирать меня желтой пемзой, нажимая на колени. Мой верный теллак в это время разводил в бадье белую глину.

— Эта глина из Алеппо, Коста, настояща на цветочной воде. Натрем тебя, запахнешь, как роза!

Мойщик нанес эту смесь на мои тело, ноги и голову и попросил подождать четверть часа. Когда глина была смыта, процедура еще раз повторилась, а после Константин лично дважды намылил мне голову, обходя подсохшую рану. Затем хорошенько протер меня банной мочалкой.

— Эта мочалка называется кесе. На деле, этот тот же кисет для табака, который придумали европейцы. Но мы приспособили его для другого.

Когда я был отмыт мылом с помощью мягкой губки из Туниса, теллак и мойщик сняли с меня мокрый пештемаль, обернули полотенцами, подхватили под руки и осторожно повели в общее помещение с плоскими диванами для отдыха вокруг небольшого мраморного фонтанчика. Константин ненадолго отлучился и вскоре поднес мне медную тарелку с пятью яблоками и маленьким ножом со слегка искривленным лезвием.

Но сил у меня больше не было. Почти бессонная ночь и мои приключения настолько меня вымотали, что я привалился на софу и мгновенно отключился.

Стоило мне открыть глаза, Константин был тут как тут.

— Продолжим? Тебя еще массаж ждет.

Отказываться я не стал. Наоборот, после сна силы будто вернулись.

Мы зашли в парильное отделение. По краю большой мраморной плиты устроились люди, не решаясь продвинуться к центру. Там было самое жаркое место. Видимо, именно туда поступал пар по скрытым каналам от котлов, нагреваемых печами.

Константин постелил полотенце на плиту, подложил в изголовье перевернутую миску для обливания, чтобы было куда пристроить голову, и помог мне расположиться. Сам же присел напротив в приватной кабине для мытья около красивого мраморного умывальника с двумя бронзовыми кранами.

Когда он посчитал, что я прогрелся достаточно, он снова позвал мойщика. В этот раз за меня взялись основательнее. Мойщик развел мыло в шайке, зачерпнул пену тканой наволочкой, надул ее, как шар, и покрыл все мое тело этим раствором. Как следует снова меня протерев с помощью кесе и предъявив мне содранные катышки ороговевшей кожи, он принялся меня мять, крутить и даже топтать коленями. Я лишь стонал, улетаая в райские кущи.

Почти без сил я переместился в помывочную. Краны в виде головы верблюда давали лишь холодную или горячую воду. Следовало ее смешивать в выданной мне чаше до желаемой температуры и окатывать себя с головы. Подобная процедура была сродни медитации: наполнить, облить, кайфануть; наполнить, облить, кайфануть; наполнить...

Я сидел и разглядывал внутреннее убранство большого зала. Мысли замедлились и текли плавно и неторопливо, как широкая река. Созерцания было достаточно в этом полном неги состоянии. Я любовался игрой теней, которую создавали в полутемном зале бледные лучи света. Они проникали внутрь сквозь звезды, прорезанные в куполе. Потемневшие стены с поврежденными водными потоками мраморными плитами, раскрошившиеся канелюры колонн и их треснувшие капители, не устоявшие под напором безжалостного времени, следы копоты от старых пожаров на потолке — все дышало глубокой древностью в здании, которое стояло почти полтысячелетия, и было так не похоже на сверкающие полированным мрамором и яркими светильниками современные хамамы в отелях.

— Этими банями, как и Парфеноном, стоит любоваться издали, но никак не сидеть внутри, ожидая, пока кусок штукатурки свалится тебе на голову. Не понимаю я Дэвида Уркварта, загнавшего нас сюда. Это его увлечение турецкими банями, его маниакальное желание устроить их в Лондоне — все это чуждо сердцу англичанина, не понимающего, зачем так часто мыться[3]. Но не скрою, в этой старине есть нечто притягательное.

Это замечание на английском настолько оказалось созвучно моим мыслям, что я невольно прислушался в беседе двух англичан с характерными лошадиными лицами.

— Стюарт! Снаружи тебя ждет еще большее разочарование: вся роскошь Востока спрятана от глаз публики внутри любого зажиточного дома или дворца. И знаешь почему?

— Почему же?

— Жестокость и деспотизм турок вынуждает богачей прятать накопленные богатства, совершенно лишая их честолюбия и стремления к развитию. В этом есть коренное отличие их

цивилизации от нашей. И наше превосходство. Здесь, в Стамбуле, это чувствуется на каждом углу, и немудрено, что вся крупная торговля сосредоточена в руках иностранцев.

— Прошу прощения, сэры! – обратился я к англичанам. – Извиняюсь, что прервал ваш разговор. Но меня удивило, что вы называете Константинополь Стамбулом.

— Не стоит извиняться! Мистер ... ?

— Коста Варвакис, сэры! – я тут же представился.

— А, так вы грек! Это заметно по вашему кресту, – заявил приметливый англичанин и представился. – Мистер Джонс, мистер Стюарт, к вашим услугам.

Он исполнил элегантный жест рукой, словно снимал шляпу в знак знакомства.

— В Европе, мистер Варвакис, принято называть столицу султана, как ее назвал его славный предок Мехмед II 400 лет назад. Лишь русские варвары до сих пор зовут этот великий город Константинополем и даже городом царей, будто имеют на него право. Я знаю, что здесь принято говорить Константинийе, но уверен, что данное недоразумение будет рано или поздно исправлено. Быть может, вам, как греку, это слышать неприятно, но уверен, вы простите англичанина, представляющего страну, подарившую Греции независимость.

Мне стал любопытен этот разговор, и я решил его поддержать, немного «потролив» собеседника:

— Но позвольте, сэры, мне всегда казалось, что нашей свободе мы обязаны славе русского оружия?

— У вас странный английский, мистер Варвакис. Где вы ему научились?

— Я часто путешествовал, сэры.

— О, это многое объясняет... Вы, наверное, брали язык от всех, кого встречали – от завсегдатаев портовых кабаков до джентльменов. Ваш вопрос великолепно подходит для беседы в этих стенах. Где, как не в бане, обсуждать политику? Но, быть может, мы продолжим дискуссию в более подходящих условиях – в холле для отдыха, например?

— Ничего не имею против. И кофе с трубками будут там весьма кстати.

Я сделал знак Константину, и нужно было видеть вытянувшиеся от удивления лица двух английских снобов, когда меня снова подхватили с обеих сторон и осторожно повели в зал отдыха. Англичан сопровождал лишь один банщик.

Мысль войти к ним в доверие появилась сразу, как ухо уловило знакомое имя. Дэвид Уркварт! Эта английская сволочь немало натворила на Кавказе, работая, как сказали бы в мое время, под дипломатическим прикрытием в Стамбуле. Если он шеф этой парочки, сомнений нет – передо мной настоящие шпионы XIX века!

[1] Турки носили желтые туфли, греки – синие, армяне – красные и евреи – черные.

[2] Авторы проводят границу между восточным пониманием «кейфа» и современной трактовкой слова «кайф».

[3] Джемс Клавелл, автор саги об англичанах в Гонконге, убеждал своих читателей в том, что в Англии в первой половине 19 века скептически относились к частому мытью. Тем не менее, Дэвид Уркварт все ж таки открыл в середине века турецкие бани в Лондоне.

Глава 5. Вербовка.

Про «славные» дела Дэвида Уркварта я начитался в 90-е, даже портрет в учебнике видел. Его много обсуждали в кавказской прессе, включая грузинскую.

Этот английский дипломат ворвался в жизнь Кавказа с грацией слона в буфете и «тарелок» побил изрядно. И вошел в историю. Причем настолько, что даже флаг современной республики Адыгеи сделан по его эскизу. А еще надавал горцам столько обещаний, что из-за могил на Кавказе стало тесно. Пожар Кавказской войны пылал и до него, но с тем, что он в этот огонь керосину плеснул, никто не спорит. Земля все помнит: в своих бедах, вплоть до изгнания с родной земли, его до сих пор винят многие кавказцы. Вот бы встретить этого Давидушку, да голову ему открутить: воздух точно станет чище.

Я думал об этом, пока мы устраивались на низких диванах, на турецкий манер подогнув ноги. Отдал необходимые распоряжения своему другу-теллаку и продолжил беседу, вернее, предложил Стюарту продолжить свой рассказ.

— Это чудесная история, мистер, и я с удовольствием вам растолкую, как нам удалось оставить с носом русских варваров. Как вы знаете, греческие инсургенты боролись за независимость десять лет, и Лондон всегда поддерживал их, ибо сердцу настоящего англичанина понятна и близка идея свободы от тирании. Мы даже потопили турецкий флот у Наварина!

Оба англичанина энергично закивали: мол, вот какие мы молодцы, нет нам равных на морях!

— Потом случилась война русских с турками, казаки скакали под самыми стенами древней столицы, и султану пришлось покориться. И вот во время переговоров нам стало известно, что русские не осмеливаются настаивать на греческой независимости. Тут вмешались наши дипломаты – и, вуаля, – Греция свободна, а мы, не потратив и бочки пороха, становимся главными ее защитниками. Каково?!

Стюарт восхищено прищелкнул пальцами. Тут, очень кстати, нам принесли уже разожжённые длинные вишневые чубуки и маленький поднос с чашечками кофе и стаканами воды. Взял одну, и, не желая обсуждать столь вольное и предвзятое толкование недавней истории, пояснил:

— Обычай запивать кофе по-турецки водой, – сделал маленький глоток, смакуя свой напиток, – он – из-за особого мелкого помола кофейных зерен. Требуется смывать с языка крупинки гущи, от которых по-другому не избавиться.

— В чем ваш бизнес, мистер Коста? – поинтересовался Джонс, не дождавшись других комментариев. – Вас принимают здесь как важную персону. Вы – паша из вилайета или служите во дворце Топ-капы?

— Ну что вы, сэр. Я лишь бедный торговец, пребывающий ныне в крайне стесненных обстоятельствах. Даже мои знания турецкого, греческого, английского, русского, грузинского и армянского языков мне мало чем могут сейчас помочь.

— А, я догадался. Вы пострадали от русской блокады кавказского побережья! Вероятно, имели дело с черкесами и возили в Стамбул очаровательных горянок и грузинок? Как же на них нынче взлетели цены на стамбульских базарах! Наверное, потеряли свои корабли?

Я зачем-то решил англичанину подыграть и кивнул. Стюарт с нескрываемым удовольствием затаился, выпустил облачко дыма и продолжил:

— С вашими языковыми познаниями вы могли бы устроиться переводчиком-драгоманом в любое посольство. Особенно, я впечатлен знанием русского и грузинского – таких знатоков только в Пере поискать.

— Увы, сэр, но обстоятельства моей предыдущей жизни вряд ли могут послужить рекомендацией для устройства на подобную работу. И писать я не приучен.

Англичане переглянулись. Стюарт был явно заинтересован.

— Да вы полезный человек, мистер Варвакис. Я бы хотел продолжить наше знакомство. Как вы смотрите на то, чтобы мы угостили вас обедом?

— Премного благодарен, сэра.

— Эсквайр, к вашим услугам. Достаточно называть меня просто «мистер». Коль вы не против, давайте встретимся через четверть часа у входа, если вы закончили здесь свои дела.

— Буду ждать с нетерпением, господа!

Дружески распрощался с Константином. Клятвенно пообещав его не забывать и обязательно навестить при первой возможности, я направился к выходу. Новая – на самом деле, слегка поношенная – одежда сидела, как влитая. Даже опанки пришлось впору. Я чувствовал себя заново рожденным – с отдохнувшей душой, отмытым телом и в боевом настроении. Рана на голове, еще раз обработанная, не кровила и не беспокоила. И не рана вовсе, а так – царапина с подсохшей корочкой. Я прикрыл ее феской, украшенной серебряной нитью, залихватски сдвинув слегка набок. Мне не хватало лишь кривого кинжала за кушаком, чтобы выглядеть бравым воякой.

Мой образ явно впечатлил англичан.

— О, вы завязтый балканский щеголь, мистер Коста, – поприветствовал меня Стюарт при встрече. – Вас и не узнать!

— Ха, мистер Стюарт, в бане все равны, но стоит ее покинуть, сразу видно, кто есть кто.

Стюарт и Джонс довольно переглянулись. Европейские костюмы выделили их из толпы. Но от обеда в турецком стиле Стюарт решил не отказываться:

— Давайте же предадимся чревоугодию. Обещаю вам величайшие кебабы, таких вы точно не пробовали!

До кебабной все на том же Гранд Базаре добрались быстро. Расселись за столом, и англичанин сделал заказ духанцику.

— Расскажите о себе, мистер Варвакис, расскажите вашу историю, – попросил Стюарт, когда в ожидании нашей еды появилась пауза.

— История моя – история моего народа, господа, вечно гонимого, не понятно как выживающего, терпящего муки тысячу лет, скитающегося по чужбине, падающего в самую пропасть, но снова и снова встающего с колен.

Я ухмыльнулся. За моей выпренной речью скрывалась изрядная доля горечи: поймут ли эти обремененные «долгом белого человека» свержлюди, которыми они себя воображают, ее суть? Это вам не фронтоны с Парфенона тырить...

Стюарт принял мою ухмылку по-своему. Он накрыл своей ладонью мою и проникновенно сказал:

— Мы разделяем вашу боль: страдания греческого народа, потомков славных эллинов, так много подаривших миру, не могут оставить равнодушным цивилизованное сообщество.

«Вербует, гад», – догадался я и выдал вольную версию похождения Варвакиса, о которых сам знал немного и которые мне легко было превратить в увлекательную бондиану, используя весь арсенал сюжетных ходов, придуманных Голливудом. Англичане слушали меня, открыв рот и проявляя явную заинтересованность, ибо весь свой рассказ я построил так, чтобы у них не осталось и тени сомнений: я – самый желанный человек в Стамбуле для английской разведки, хорошо мотивированный, много повидавший и расчетливый в той степени, чтобы не упускать возможную выгоду.

Теперь моя легенда выглядела так. Я – грек с Ионических островов, вовремя не сориентировавшийся в событиях и поставивший не на ту лошадку. Вместо того, чтобы присоединиться к инсургентам или активно участвовать в русско-турецкой войне на стороне русского царя, я шпионил для Дарданелльского паши. Был разоблачен, объявлен предателем и коллаборантом, потерял все свое имущество на Островах, бежал и был вынужден начать все сначала. Никому

не нужный – кто помнит о былых заслугах, когда надобность в них отпадает – я не нашел поддержки ни у чиновников Дивана, турецкого правительства, ни у своих соотечественников в столице. Более того, возвышение русского влияния в Константинополе раз за разом ломало мои планы, особенно, в последнее время. Зато обо мне не забыли мои враги на Островах.

— И теперь, господа, я вынужден скрываться от наемных убийц, идущих за мной по пятам.

— Ваша жизнь, господин Варвакис, настолько увлекательна, что достойна пера Вальтера Скотта! – восхищенно воскликнул Стюарт. – Смею заверить, правительство Его величества Вильгельма Четвертого могло бы значительно улучшить вашу участь!

— Вильгельма?

— Боже мой! Вам не знакомо славное имя короля Англии?!

— Прошу прощения за мое невежество! Последние годы мне было как-то не до того, чтобы следить за раскладами европейской политики, – попытался я выкрутиться из неловкой ситуации, ругая себя за свой длинный язык. Из курса школьной истории я помнил лишь одного Вильгельма – того, кто Первую Мировую развязал, до которой мне в этом теле точно не дожить.

Мой прокол несколько сгладил духанщик (или как там его здесь называют, может, кебабщик?), который притащил нам большое блюдо с мясными кебабами, исходящими жаром и ароматами, уложенными на тонкие листы теста юфка в компании с йогуртовым соусом. На гарнир нам подали круто посоленную печеную кукурузу.

— Отведайте, мой друг, этих райских даров. Уверен, ни за что не догадаетесь, из чего сделаны эти восхитительные колбаски! Это голуби, приправленные фисташками и медом.

Кебабы и вправду были умопомрачительно хороши! Особенно после бани, когда голод разыгрался не на шутку. Одна лишь мысль не давала покоя: эта голубятина не по помойкам часом прыгала до превращения в фарш? С местных станется провести рокировку с голубем, вскормленным зерном, на неприхотливую птичку, случайно задранную кошкой[1]. Где бы разжиться английским джином для дезинфекции организма? Эти белые господа, уверен, тут же зальются им по самые брови, стоит им вернуться в свое шпионское логово. Англичане – те еще пьянчуги! А мне что делать?!

— Вернемся к нашему разговору, – предложил Стюарт, вытирая пальцы поданным полотенцем и заказывая чай с баклавой из роз. Он, как я заметил, играл первую скрипку, в то время как Джонс все больше отмалчивался, да на меня украдкой поглядывал. – Вашу проблему с Афанасиосом, заказавшим покушение на вашу жизнь, можно при желании снять с повестки дня. Сложно, долго, но вполне решаемо при наличии достаточной мотивации у английского консула или – берите выше – у верховного комиссара Ионических островов сэра Говарда Дугласа.

Черт его знает, что за голубь – этот верховный комиссар? И по каким помойкам шныряет? Я в политических деталях того времени был ни в зуб ногой. Попасть впросак в элементарных вещах, которые обязан знать Варвакис, – проще простого. Остается лишь держать покер-фейс и кивать с умным видом.

— Чем же я смог бы посодействовать английской короне, дабы подобная мотивация явилась на свет? – заинтересованно осведомился я.

— Отличный вопрос, дружище! Просто не в бровь, а в глаз! Сразу видно делового человека. Действительно, мир стоит на взаимных услугах, не так ли?

Эта английская манера превращать любое предложение в нечто уклончивое, с элементом сослагательности и недосказанности, все эти «may be» и «would» меня всегда раздражали, но стоит признать: для шпионских игр английский язык – самый подходящий.

— Позвольте мне сперва, – продолжил Стюарт, – осветить важный политический вопрос, прежде чем мы перейдем к конкретике. Как вам известно, три года назад русские вынудили султана заключить крайне неприятное для нас соглашение, по которому он обязался закрыть

Проливы для любых военных кораблей иностранных держав. Более того, по совершенно непонятной причине Россия объявила своей собственностью кавказское побережье Черного моря – вплоть до города Поти включительно. И немедленно установила свою блокаду, полностью прервав веками существовавшую там торговлю. Вам ли об этом не знать?

Я задумчиво кивнул. Стюарт, несмотря на свою проницательность и острый ум, видные невооруженным глазом, клюнул на ошибку собственного сознания. Высказанное им же самим предположение он уже превратил в доказанное утверждение. Мне лишь оставалось поддерживать его в этом заблуждении.

— Британское правительство ни при каких условиях не потерпит ни искусственных ограничений для торговли, ни русского господства в Черном море. Мой шеф, почтенный мистер Дэвид Уркварт, первым понял весь ужас положения и бросил перчатку в морду русского медведя. Именно он храбро отправился в Черкесию, чтобы разжечь местное сопротивление.

— Ооо, он смелый человек, этот мистер Уркварт! – со всей своей неискренней искренностью воскликнул я: улыбаемся и машем, машем и улыбаемся.

— Затем отправился в Лондон, – с воодушевлением продолжал Стюарт, – где вступил в общественные дебаты с проспавшим все на свете министром Его Величества лордом Палмерстоном. Так творится политика в доброй старой Англии! Только суждение общества имеет решающее значение. Ныне же Дэвид вернулся в Стамбул, чтобы продолжить свою борьбу. Ему нужны верные люди.

— Вы предлагаете мне отправиться к черкесам? Сомнительный выбор – погибнуть от ножа убийцы здесь или сложить голову в горах Кавказа.

— Не драматизируйте, Коста! Никто вас в Черкесию отправлять не собирается. Пусть эти дикари сами решают свою судьбу. Знаете, как Уркварт называет горцев? Наши ирокезы, ха-ха... У нас хватает возможностей вредить русским и отсюда. Дэвид изготавил «Декларацию независимости Черкесии», сегодня этот листок хранится в каждой сакле, в каждом ауле адыгов.

Я изобразил удивление. Стюарт пояснил:

— Адыги – это жители западной Черкесии, вы же наверняка с ними имели дело – это такие парни с кинжалами и в черкесках, настоящие волки. Но Уркварту и вашему покорному слуге удалось у них побывать два года назад. Как видите, я вполне здоров и даже не потерял аппетита. Попробуйте, кстати, эту фантастическую баклаву.

Стюарт замолчал, выжидая, пока служка сервировал стол чаем и восточными сладостями. Когда он удалился, англичанин продолжил:

— Следует проявлять осторожность и не болтать лишнего, когда рядом чужие уши. Город кишит русскими шпионами... Так вот, возвращаясь к нашим делам... Что бы вы предприняли, если бы нуждались в качественной информации из русского посольства, дабы эффективнее противодействовать его планам?

— Ответ очевиден, сэр: устроил бы туда своего человека.

— Эсквайр! – напомнил мне Стюарт, крайне щепетильный в вопросах титулования, как я уже понял. – Ход ваших мыслей очевиден, но есть проблема: не сложно пристроить своего человека на работу к русским, снабдив его нужными рекомендациями. Но где взять слугу со знаниями языков и образованным настолько, чтобы уловить нечто действительно важное. Штат посольства Российской империи в Стамбуле огромен, его потребность в людях из числа местных жителей, достойных доверия, крайне высока, но выбирают лишь греки, как православные и явно турками обиженные.

— Не хотите ли вы сказать, что в роли такого слуги вы видите меня?! – вскричал я, уязвленный таким предположением: меня, человека 21 века, хотят загнать в прислугу?

— Почему бы нет? – спокойно отреагировал Стюарт, готовый к подобной реакции. – Ныне положение греков в Стамбуле, хоть и улучшилось, но не настолько, чтобы привередничать. Насколько мне известно, они бегут в Россию при первой возможности и готовы на все,

чтобы стать подданными русского царя. В вашем же случае стоило бы прислушаться к доводам разума. Как много у вас вариантов? Тем более, я же не предлагаю вам жить за счет русских. Вы работаете на них – например, садовником – и на нас за хорошее вознаграждение. Как говорят на моей родине, на мед поймашь больше мух, чем на укус.

Не уверен, что правильно понял, но, по-видимому, Стюарт пытался сказать, что ласковое теля двух маток сосет. Его дальнейшие слова подтвердили мою догадку.

— Мы избавим вас от Афанасиоса, дадим нужные бумаги для устройства на работу и хорошо заплатим, а вы приобретете полезные связи, и – кто знает – возможно, подумаете о переезде в Россию, где откроются интересные возможности для коммерции, или вернетесь на родину, где английское влияние велико. Очень велико, уверяю вас! И там также есть нужда в проверенных в деле агентах.

— Я же объяснял: мой опыт шпионства закончился весьма печально.

— Боже, как можно сравнивать?! Дарданелльский паша и Великая Британия! Я познакомлю вас с такими людьми с таким положением... Я сведу вас с Дэвидом Урквартом, и вы сразу все поймете! Чтоб вы знали: он вернулся в Стамбул из-за своего журнала «Портфолио». Его статьи были способны свергнуть Правительство! Для вас будет честью работать вместе с будущим премьер-министром Великобритании! А Дэвид своих не бросает. Он воистину фигура мирового масштаба!

При этих словах Стюарт вскочил с места, подхватил свою шляпу и принялся ходить вокруг стола, энергично жестикулируя:

— Оставьте, Коста, свои сомнения. Я предлагаю вам верное дело, возможность решить все проблемы и обрести будущее...

Да-да, подумал я, «будут деньги, дом в Чикаго, много женщин и машин...» – как все знакомо, Владимир Семенович давно предупреждал. И как сделать так, чтобы мое согласие выглядело естественным? А если так:

— Рекомендаций мало! Чтобы проникнуть в посольство, нужно свести знакомство с его драгоманами-греками. У нас принято решать все вопросы через землячество.

— Вот видите! Вы уже думаете о деле! Вы уже ищите решения – замечу, весьма дельные. Вы уже внутренне согласны!

— Перед вашим напором, мистер Стюарт, трудно устоять. Но дайте мне время подумать.

— Вы считаете, у вас есть время на раздумья? А если завтра вас найдут в канаве с перерезанным горлом? Разве ваши враги отступили? Вы в безопасности?

— С этим не поспоришь, сэр.

Стюарт не стал меня снова поправлять.

— Давайте сделаем так. Сейчас я отведу вас на один постоялый двор. Его хозяин – наш человек, вернее, он часто оказывает нам услуги, укрывая у себя нужных нам людей. Там нам проще приглядеть за вами и прийти на помощь, если что-то пойдет не так. У меня займет несколько дней, чтобы проверить ваш рассказ и подготовить необходимые бумаги. Возможно, на вас захочет взглянуть Уркварт – его слово будет последним. Вы же ничего не потеряете и не потратите ни пенса: проживание в течении недели мы вам обеспечим. Согласны?

— Более чем щедрое предложение, мистер Стюарт. От такого откажется лишь глупец.

Англичане рассчитались с духанщиком, и мы тронулись в путь.

Во время моей турпоездки в Стамбул одной из достопримечательностей, которую нам показали, был огромный постоялый двор Бююк Валиде Хан. Ныне он должен процветать: расположенный в самом центре торгового квартала, он, как нам рассказывали, играл роль своеобразного торгово-офисного центра средневековья, объединявшего под одной крышей жилые комнаты, офисы, склады, переговорные, помещения, используемые под мастерские. На мой вопрос, пойдем ли мы именно в этот караван-сарай, Стюарт отмахнулся.

— Там одним персы-шииты, дурное место.

Уж, не знаю, чем не устроили протестанта Стюарта идейные противники суннизма, но спорить я не стал. Он повел меня по кривым тесным улочкам куда-то на север от Гранд-Базара, и мне снова пришлось крутить головой, чтобы запомнить дорогу. Наверное, благодаря этому, я вдруг заметил, что нас упорно преследует какой-то человек. Ничем не примечательный мужчина в сюртуке европейского кроя и черной феске с серебряным полумесяцем сворачивал там же, где и мы, притормаживал возле лавок, изображая празднующего зеваку, и двигался вслед за нами, стоило нам удалиться.

Как говорил один мой знакомый, ныне вполне себе здравствующий: если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят. Чтобы проверить свои подозрения, я попросил Стюарта со спутником подождать меня буквально пять минут. Сказал, что желал бы вернуться назад в переулок, из которого мы только свернули, чтобы купить себе пару бытовых мелочей. И, как и ожидалось, столкнулся с Черной феской, прошел мимо и с интересом наблюдал за его порывами подождать меня или устремиться за англичанами.

В итоге, он выскочил на перекресток и замер, как истукан.

— Нет у вас методов против Косты Варвакиса, – весело бросил я ему в спину по-русски. Кажется, он меня понял. Все чудесатее и чудесатее...

Впрочем, нужду в полотенце и зубном порошке никто не отменял, даже загадочный господин в черном. Но в лавке, в которую я зашел и в которой продавалось все подряд – от сладостей до бытовых мелочей, – вместо «Бленда меда» мне предложили толченый мел с подозрительного вида добавками. Новая проблема на мою голову.

Вскоре мы добрались до нужного нам хана.

Во внешнем виде османского «отеля» три звезды – в равнобедренной трапеции, которую образовывало здание, — не было ничего необычного. В Париже таких домов – на каждом шагу. Но боковая стена, выполненная, начиная со второго этажа, в виде последовательного ряда из трех вертикальных уступов с окнами, забранными решетками, меня откровенно восхитила. В этом было что-то куда более созвучное моему потерянному времени. Практически – модерн, намного опередивший свое время с его строгими формами классицизма или с архитектурной вычурностью барокко. Всё ж следовало признать, как не противилось мое греческое сердце этой мысли, что турки – нация не только жестокая, но и умеющая удивлять.

Внутри хан выглядел более привычно и традиционно. Прямоугольный двор с единственными уличными воротами, переходящий в другой, куда мне посоветовали не соваться. Три ряда арочных галерей, опоясывающих по периметру каждый этаж. Двери «номеров» выходили на эти галереи. В одну из таких комнат меня проводили.

Перед расставанием Стюарт показал мне здорового охранника-албанца с устрашающим набором кинжалов за туго скрученным мягким поясом и в мягком овечьем колпаке, несмотря на теплую весеннюю погоду:

— Это Ахмет! Он за вами присмотрит. И постарайтесь не покидать караван-сарай. Это в ваших интересах. А теперь переведите, что я сказал: у бабУщ-ка бэзудэржно вэсэлэ.

— Прошу прощения, но это скорее похоже на набор слов типа «у бабушки безудержное веселье». Может лучше так:

Запомни же ныне ты слово мое:

Воителю слава — отрада;

Победой прославлено имя твое;

Твой щит на вратах Цареграда;

И волны и суша покорны тебе;

Завидует недруг столь дивной судьбе.

— Что это значит?

— Это стихи. Пушкин, модный поэт в России.

— О! И о чем его стихи?

— О великой мечте русского народа, – не удержался я от шутки. Стюарт ее проглотил, не поняв скрытой двусмысленности.

— У нас тоже есть свой великий поэт. Лорд Байрон, слышали?

— Кто же не слышал о великом Байроне, борце за свободу греков?

— Тогда все очень хорошо, – туманно заметил Стюарт. – Можешь идти.

Наконец, я остался один. Можно перевести дух и серьезно подумать обо всем случившемся – о всех этих встречах, переговорах, обещаниях и перспективах. Хотя бы свой внешний вид в подробностях оценить и понять, чем меня наградило неожиданное попаданство.

Но сперва подошел к узкому окну, чтобы понять, куда меня нелегкая занесла. С улицы, задрав голову, на меня смотрел тот самый тип в черной феске – зло, не скрывая своего интереса и ничуть не маскируясь. Его взгляд не обещал мне ничего хорошего – только грядущие неприятности.

[1] В Стамбуле было запрещено убивать голубей. Коста напрасно беспокоился. Хотя кто их, турок, знает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.